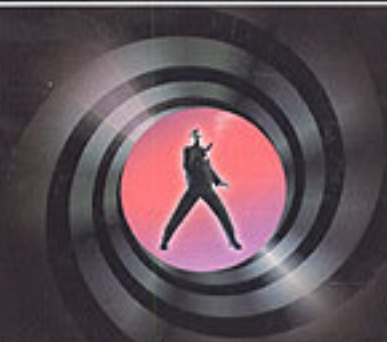

ФСБ

РУССКИЙ
007

С е р г е й Д о н с к о й

**ЦЕНУ ЖИЗНИ
СПРОСИ У СМЕРТИ**

Майор ФСБ Олег Громов

Сергей Донской

Цену жизни спроси у смерти

«Автор»

2001

Донской С. Г.

Цену жизни спроси у смерти / С. Г. Донской — «Автор»,
2001 — (Майор ФСБ Олег Громов)

Сотрудник Центробанка Аркадий Сурин оказался самым настоящим компьютерным гением. Зарубежный кредит для России на сумму более миллиарда долларов он сумел ловко переправить на свое имя в иностранные банки, а сам сбежал, изменив себе внешность. Вычислить новоявленного миллиардера необходимо для безопасности государства. Тут, можно сказать, дело политическое. Поэтому и поручают его майору ФСБ Громову. Только этот опытный и бескомпромиссный офицер сможет решить такую проблему – при случае своротит голову кому угодно, горы опрокинет, чтобы добиться победы. Но нашему Джеймсу Бонду дело предстоит нешуточное. Миллиардом заинтересовались бандиты. А среди них – бывший коллега Громова из ФСБ...

© Донской С. Г., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Донской

Цену жизни спроси у смерти

*«И когда гром небесный грянет, да не будет в сердцах ваших
страха, ибо убоявшийся уже виновен, а чистый душой чист перед
небесами».*

Пс. 150, 7

Глава 1

У каждого свой улов

Море, едва тронутое первыми лучами утреннего солнца, окрасилось в серо-розовые пастельные тона. Гладь воды была совершенно безмятежной и сливалась на горизонте с таким же небом. Древним путешественникам это море однажды привиделось настолько грозным, что они назвали его Черным. Наверное, потом не раз жалели об этом, да было поздно. Так часто бывает: сделаешь, а потом жалеешь.

Здесь, на окраине Сочи, море выглядело совершенно чистым и прозрачным. Не верилось, что оно умеет бушевать не хуже любого океана. Каждый камешек на дне отчетливо просматривался сквозь толщу воды. Стайки мелких рыбешек сверкали, как россыпи серебристых монет, которые кто-то забавы ради пригоршнями швырял в море. Мелкие волны почти беззвучно облизывали кромку берега, набегали и откатывались назад с убаюкивающим шорохом.

Художник с длинной седой шевелюрой посмотрел на свой набросок и подумал, что море на рассвете надо писать не маслом, а прозрачной акварелью. Много лет подряд он приходил на этот берег, а додумался до такой простой вещи только сейчас. Ему стало стыдно за те картины, которые он уже продал, и захотелось поскорее написать новые. Художник решил было замечить картон на мольберте листом чистого ватмана, но в этот момент за его спиной прозвучал издевательский голос, прорекламировавший нараспев:

– Художник, художник, художник молодой, нарисуй мне девушку с разорванной мандой...

Частушку исполнил крепкий на вид парень, портрет которого не сумела бы одухотворить никакая, даже самая талантливая кисть. Такие лица словно специально созданы природой, чтобы фотографировать их для всевозможных документов – плотно сжатые губы и выпученные глаза. Ходячее удостоверение личности. Очень неприятной. И весьма опасной.

Второй парень отличался от своего товарища лишь более высоким ростом и менее плотным телосложением. А физиономия у него тоже была совершенно протокольная. Сними обоих в фас, в профиль – и смело подшивай к уголовному делу. Тем более что парни были острижены так, словно заранее готовились к подобному эпизоду своей биографии.

Более неуместную парочку на берегу сонного, безмятежного моря трудно было себе представить. Художник подумал, что напрасно он сегодня утром не поддался искушению побаловаться молодым виноградным вином, тридцатилитровый бочонок которого был получен за поясной портрет соседа в накинута на плечо тигровой шкуре. Сидел бы сейчас в своем маленьком уютном дворике и в ус не дул бы. Угораздило встретиться на безлюдном берегу нос к носу с незнакомыми типами, в глазах которых отражались разве лишь собственные внутренности. Какое уж там зеркало души!..

– Что вылупил, хрыч старый? – дружелюбно спросил знаток народного фольклора. – Икону с меня малевать собрался?

– Нет, конечно. – Художник потупил взгляд.

– Что значит: конечно? – нахмурился парень.

– Ну... Для иконных ликов требуется несколько иной типаж...

– Мне, значит, бороденки не хватает, чтобы за святого проканать?

– Как вам сказать... – Художник осторожно пожал плечами.

– И волосьев по плечи, да? – настаивал парень, озлобляясь все сильнее.

– Вообще-то я специализируюсь не на портретах, а на морских пейзажах. Я маринист.

– Чего-чего? Онанист?

– Маринист, – терпеливо повторил художник. – Название происходит от французского слова «марина», то есть «вид моря».

– Мерин ты, а не маринист, – заключил крепыш, выслушав объяснения художника. На его скулах отчетливо обозначились желваки.

– Причем сивый, – добавил его спутник и скрипуче засмеялся. Точно гвоздем по листу жести несколько раз провел.

Художник поморщился:

– Зачем вы так, молодые люди? Мне, между прочим, семьдесят один год. Если вы не уважаете людей, то уважайте хотя бы старость. Ведь и вы когда-нибудь тоже...

Договорить художнику не дали. Нога в пляжном шлепанце пнула мольберт с такой силой, что кисти и тюбики с красками разлетелись во все стороны. Художник нагнулся, чтобы собирать свое добро, но шлепанец достал и его.

– Чеши отсюда, сивый мерин! – распорядился парень. – Проваливай к херам собачьим! Не перевариваю таких. Малюет он тут, выпендривается... Фотоаппарат бы лучше завел.

– Художник от слова «худо», – вставил его товарищ и шумно прочистил левую ноздрю.

Пейзажист заглянул в его рыбыи глаза-пустышки, подхватил кое-как сложенный мольберт и заспешил прочь, бросив на гальке даже кармин пурпурный, который ценил на вес золота. Он понял: обоих молодых людей давно запечатлели и в фас, и в профиль, а потом снабдили снимки надписью: «ВНИМАНИЕ, РОЗЫСК!» Только парни эти до сих пор землю топчут да небо сигаретками дорожущими копят, и не в силах художника что-либо изменить. Мир – не картина. Его не перепишешь на чистом холсте заново.

Проводив взглядом ходячее недоразумение, парень с рыбыими глазами продул на этот раз правую ноздрю, вытер пальцы об шорты и с чувством произнес:

– Убивал бы таких на месте. Чуть патлы отрастил, так уже умником себя считает. А денег даже на «Полароид» сраный не накопил. Все они такие, умники.

– Мудаки яйцеголовые, – поддакнул спутник и нежно огладил свою башку, которая формой напоминала не яйцо, а тыкву, – хоть сейчас Хэллоуин празднуй, пугай прохожих.

Сошлись во мнении, что будущее все же за ними, пацанами во всех отношениях правильными, конкретными. За этими разговорами и не заметили, как дошагали до нагромождения валунов и скал, омываемых морем. Здесь вода была потемнее, холодной на вид. Зеленые водоросли, облепившие камни, колыхались под водой, как волосы русалки. Гниловатый душок, струившийся из всех щелей, перебивал свежий морской запах.

Шагая по валунам, покрытым белесым соляным налетом, парни приумолкли. Один изредка сморкался, второй деловито сплевывал, вот и все общение. Между обломком скалы и косо уходящей в воду каменной плитой обнаружилась глубокая расщелина, заполненная стоячей, мертвой водой. Как только парни остановились над ней, сюда начали слетаться чайки. Их пронзительные крики звучали нетерпеливо и требовательно: дай!.. дай!..

Запустив руку в воду, парень с тыквообразной головой нашарил измочаленный конец толстой веревки, расставил ноги пошире и принялся вытаскивать невидимый груз. Занимался он этим то ли неохотно, то ли просто неумело. Коротко выругавшись, приятель присоединился к нему, действуя куда более сноровисто и споро. Дело сразу пошло на лад. Вскоре на плиту они выволочили разбухшее мужское тело, напоминавшее бледное брюхо камбалы. К каждой его

ноге было привязано по шлакоблоку. Ярко-зеленые плавки с малиновыми сердечками смотрелись на трупике диковато. Слишком веселая расцветка для такого случая.

– Вонючий очень, хотя и легкий, – прокомментировал один из парней и, поморщившись, пустил себе под ноги струйку вязкой слюны.

– Росту в нем метра полтора, – прикинул второй, продув поочередно обе ноздри, о чем пожалел, как только хорошенько нюхнул воздух.

– Натуральный гном.

Утопленник, распростертый перед парнями, действительно был невзрачен: весь раздулся от воды; лицо, губы и веки отсутствовали; один бок ошетинился дугами обглоданных ребер. Не слишком приятное зрелище. Крепкий парень с тыквообразной головой хотел отвернуться, но неожиданно склонился над трупом и восхищенно воскликнул:

– Ты погляди какой!..

– Нагляделся. Мертвяк, он и есть мертвяк.

– Я про краба говорю. Видал, какой здоровенный?

– Ух, ты, бля!

Парни, едва не столкнувшись лбами, принялись разглядывать добычу. Краб растопырил лакированные клешни, норовя дотянуться до стиснувших его пальцев. Та, что побольше, была величиной с младенческую ладошку. Сама светлая, она заканчивалась черными шипастыми когтями.

– Он мертвяку печенку выедал, – сказал один из парней. Голос его потеплел, словно речь шла об умильном котенке, лакавшем молоко из блюдечка.

– Губа не дура, – уважительно произнес крепыш. – Я его с собой заберу, на память.

– Засушишь?

– Зачем? Пусть в аквариуме живет. Соли туда побольше насыплю, синей краски чуток добавлю. И будет у меня свое глубокое синее море, блин. Видал такое кино?

– Там акулы были, а не крабы.

– А у меня будет краб! – К этому заявлению так и просилось дополнение: «У тебя и такого нет».

– Сдохнет он, пока до Киева довезешь. – В голосе товарища прозвучала плохо скрываемая зависть.

– Не. – Тыквенная голова отрицательно мотнулась из стороны в сторону. – Крабы, они без воды целые сутки могут жить.

Посопев, парень, который не обзавелся сувениром, сердито буркнул:

– Ладно, хватит про аквариум свой заливать. Мы сюда не крабов ловить приехали. Дело надо делать.

– Без базару...

Крепыш аккуратно замотал добычу в футболку, положил сверток себе под ноги, а в руки взял увесистый камень.

Лицо трупа было уже достаточно обезображено морской живностью, но имелся приказ сделать его совершенно неузнаваемым. Крепыш примерился, отвернулся и с силой опустил камень на голову утопленника. Звук получился такой мерзкий, что бывшего едва не стошнило. Зато чайки обрадовались, закричали еще громче, носясь над будущим угощением. Чтобы не перепачкать руки кровавой слизью, крепыш выискал новый обломок, поувесистей. Весь облепленный ракушками, он оцарапал ему живот, прежде чем обрушиться вниз.

– Ы-ых! – издав этот натужный возглас, крепыш проворно отпрянул, чтобы уберечь ноги и шорты от взметнувшихся брызг.

– Ладно, хорош, – смилостивился его приятель. – Теперь жмура этого и мама родная не узнает... А страна должна знать своих героев, – загадочно закончил он.

В лучах утреннего солнца возник бумажник, раскрылся, окунулся в воду. Насквозь промокший, через пару минут он исчез в пестрых плавках мертвеца.

Проследив за бумажником оживившимся взглядом, крепыш поинтересовался:

– Много там бабок?

– Мелочовка, – вздохнул его товарищ. – И еще бумажки всякие, которыми и задницу как следует не подотрешь.

– Жрать хочется, – спохватился крепыш и загарцевал на месте. – Пора завязывать с этимдохлым делом.

– Пора...

Парни освободили ноги утопленника от веревочных пут. Матерясь, выволокли его на ровное место и бросили на мелководе – так, чтобы его можно было заприметить издалека. Побережье в такую рань оставалось пустынным, но рано или поздно кто-нибудь да появится, а мимо такой находки никто не пройдет равнодушно. К тому же чайки нетерпеливо кружили над добычей, указывая ее местонахождение.

– Сначала мы этого чувака замочили, а теперь, выходит, на солнышке сушим, – сострил тот парень, у которого мыслям стало вдруг тесновато в тыквообразной голове. – Интересная судьба у этого Болосова получается.

– Был Болосов, да сплыл. – Его спутник звучно высморкался, прежде чем выдать незатейливый каламбур: – А всплыл Сурин.

– И-ха-ха!...

– У-ху-ху!...

Пересмеиваясь, обмениваясь шуточками, парни на ходу так и сяк вертели пойманного краба, совали ему в клешни то щепки, то камушки. Наверное, точно так же они вели себя в детстве, когда еще понятия не имели, каково это – топить людей, пусть даже незнакомых. И каково крушить человеческие головы, хотя бы уже неживые.

* * *

За много сотен километров от моря, в подъезде добротного московского дома на Ленинградском проспекте перетапывались два других молодых человека неприметной наружности. Один жевал резинку и временами выдувал изо рта пузыри, наслаждаясь щелканьем, с которым они лопались. Все шло к тому, что очередной пузырь вот-вот достигнет размера породившей его головы. Движения челюстей становились все более азартными. Чвак-чвак-чвак. Иногда лучше жевать, чем говорить. Словарный запас невелик, а резинки в любом ларьке навалом. Сделай свой выбор.

Спутник почитателя жвачки от нечего делать наблюдал за этим нехитрым шоу. Каждый раз, когда пузырь лопался, облепляя выпустившие его губы белесой резиновой пленкой, парень невольно вспоминал, что вчера по пьяни поимел телку без презерватива, и это его беспокоило куда сильнее, чем предстоящая работа. Не то чтобы его волнение было чересчур уж сильным. Но и безмятежным такое состояние не назовешь.

В подъезде пахло кошками, мокрой тряпкой и – самую малость – жареной рыбой. За окном ничего примечательнее неба, деревьев и домов не наблюдалось. Все это нагоняло скуку и уныние. Как нудный фильм, виденный уже тысячу раз. Все известно наперед, ничего нового не предвидится.

– А правда, что ты крещеный? – спросил от нечего делать парень, которого на самом деле больше всего волновала собственная промежность.

– Правда, – подтвердил товарищ, зажевывая очередной выдутый пузырь обратно.

– И как оно тебе?

– Нормально.

- Но понт от этого какой-нибудь есть?
- Если без балды, то пока никакого. Но батюшка говорит: обязательно будет.
- Когда-нибудь потом?
- Во-во.
- Тогда лажа это все, – заключил некрещеный парень, потеряв всякий интерес к разговору. – Обещаниями кормить все горады.
- Если бога нет, то я ничего не теряю, – рассудительно сказал ему приятель, запихивая в рот новую пластинку жвачки. – А если есть, то тут я сразу хоп – и в дамки. Во время Страшного суда к православным один подход будет, а к нехристям – совсем другой. Так мне батюшка заяснил. И лично меня такой расклад устраивает.
- Все равно лажа, – упрямо повторил собеседник. – Не будет никакого суда.
- А что же тогда будет?
- А вот что! – Скептически настроенный парень с чувством раздавил муху на оконном стекле и для наглядности растер ее в жидкую кашу. Зуд между ногами усиливался, и, сунув руки в карманы, он отвернулся, показывая всем своим видом, что говорить о всяких пустяках больше не намерен.

Некоторое время приятели молчали, думая каждый о своем. Они оживились, лишь когда раздался звук открываемой двери. Обе головы синхронно вскинулись. Жевательная резинка щелкнула и поспешно исчезла во рту обладателя развитых челюстей, которые окаменели впервые за полтора часа ожидания. Второй парень перестал лелеять свою промежность сунутыми в карманы руками. Оба насторожились, как заскукавшие на жаре цепные псы, учуявшие приближающуюся потеху.

На лестничную площадку вышел пожилой мужчина со связкой ключей. По всему было видно, что относился он к той жалкой породе людей, гардероб которых существенно не менялся со времен развитого социализма, а рацион в основном состоял из корявых корнеплодов, выращенных на дачном участке. Пережиток прошлого. Ошибка природы.

Заметив внизу двух незнакомых молодых людей, мужчина подозрительно покосился на них. Точно таким же взглядом одарила их женщина, появившаяся следом.

У семейной четы Суриных имелись все основания недоверчиво относиться к разного рода визитерам, зачистившим к ним в последнее время. Недавно куда-то запропастился их единственный сын, Аркадий, после чего квартира Суриных стала предметом самого пристального интереса всякого рода проходимцев. Настоящее паломничество началось, с утра до ночи. То на пороге возникали бандиты, выдававшие себя за милиционеров, то ломились в дверь разбитные милиционеры, смахивавшие на бандитов. А еще к Суриным зачастили разные таинственные типы с цепкими взглядами чекистов. Просто отбою не было от этой разношерстной публики. И всем подавай Аркадия, в срочном порядке. Что же он натворил такого? Ведь такой мухи зря не обидит, полуживого карпа не убьет. Странно все это было, очень странно.

Сурин насупился, отчего резких морщин на его лице прибавилось вдвое, и, заслоня дверь корпусом, занялся замками. Его миниатюрная жена, покрепче ухватив сумочку обеими руками, пристально наблюдала за молодыми людьми, которые, несмотря на вполне дружелюбные физиономии, вызывали у нее если не страх, то опаску.

Переглянувшись, парни одновременно отлепили зады от подоконника и стали подниматься по ступенькам. Тот, который шагнул первым, нес в вытянутой левой руке мятый листок бумаги с косо накорябанными на нем печатными буквами. Демонстрируя его пожилым супругам издали, он заискивающе улыбался и тараторил:

– Вот, ищем Артамонова Николая. Давнишний дружок наш. Можно сказать, боевой товарищ. Служили мы вместе.

«Сидели вы вместе, а не служили», – подумала женщина, рот которой превратился в неприязненно искривленную линию.

– Адрес есть, а номера квартиры нет, – сетовал второй парень, приотставший на шаг.

– Не знаю никаких Артамоновых, – отрезал мужчина. Он уже успел запереть дверь квартиры на два замка из трех и чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы держать выбритый с утра подбородок высокомерно приподнятым.

Его жена продолжала хранить молчание, поджав губы еще сильнее. Не так давно у нее, зазевавшейся на трамвайной остановке, вырвали сумочку с пенсией за два месяца, и теперь женщина старалась всегда быть бдительной. Каждого обратившегося к ней незнакомого человека она заведомо записывала в жулики.

– Не знаем мы никаких Артамоновых, – повторила она почти слово в слово за своим мужем.

– Как же не знаете? – удивился парень, приблизившись к супругам вплотную. – Нам сказали, что Колян в этом самом подъезде проживает, на вашей площадке.

– Быть такого не может, – отрезал Сурин-старший. – Тут какая-то ошибка.

– Так вот же адрес, смотрите сами...

– Адрес?

Сурин машинально опустил глаза на протянутый листок и прочитал: «ПИСЕЦ ПАД-КРАЛСЯ НЕ ЗАМЕТНО».

Что за белиберда? Дикость какая-то! Натолкнувшись взглядом на безграмотного «писца», Сурин хотел изумиться. Может быть, даже возмутиться. Но в этот момент тонкое острое жало заточки впилося ему в сердце, да там и осталось, когда парень умело обломил рукоятку. Мужчина охнул, схватился за бок и привалился спиной к своей двери. Он хотел пожаловаться на боль, но не смог. Рот наполнился кровью. Язык онемел.

Его супруга еще не поняла, что происходит, когда вторая заточка пронзила ее от грудной клетки до самого позвоночника. Подоспевший парень закрыл женщине ладонью рот и помог опуститься на пол, приговаривая при этом:

– Тихо, тихо... Не вздумай голосить, сука старая. Не селедкой на рынке торгуешь.

Женщина посмотрела на него глазами, полными обидчивого недоумения, коротко всхлипнула и умерла со страдальчески закушенной губой.

К этому времени ноги перестали держать и мужчину, которому затыкал рот второй парень. Сурин сначала сел на корточки, а потом завалился на бок. Вздрыгнул. Конвульсивно дернул ногой.

– Еще лягается, падла, – буркнул его убийца, осуждающе прищелкнув мятной резинкой.

Приятель ничего не сказал по этому поводу, потому что возился со своей заточкой, воткнутой в труп женщины. Лезвие удалось сломать лишь с третьей попытки. В следующий раз надо делать надпил поглубже, решил парень. И баб трахать исключительно в презиках. Тогда и проблем не будет.

Сопя и сталкиваясь лбами, убийцы проворно обыскали супругов, забрали часы, кое-какое золотишко, деньги. Все это очень походило на ограбление, только на самом деле заработали парни раз в пятьдесят больше, чем взяли на месте преступления. И все равно их лица при выходе из подъезда были недовольными. Такой вид бывает у людей, которые твердо убеждены в том, что в этой жизни они недополучают свое. Все у них вроде бы имелось, а чего-то все равно не хватало.

Особенно остро ощущалось это в часы похмельной тоски.

* * *

Молодая женщина из числа тех, которых товарки сквозь зубы называют «интересными», выбралась из такси и, по возможности элегантно переставляя босоножки на десятисантиметровой подошве, двинулась в направлении кафе «Данкин Донатс». Собственно, ради этого она

и приперлась на Чистые Пруды в такую рань. Чтобы неспешно насладиться щедро напудренными пончиками и чашкой бесподобного капучино. Американский сервис, лучезарные улыбки обслуживающего персонала – лучшего способа поднять себе настроение на весь день женщина с поэтическим именем Любовь не знала.

А настроение было препаришивым. Аркаша Сурин, с которым она связывала судьбу с недавнего прошлого по обозримое будущее, запропастился неизвестно куда, не оставив Любе ни координат, ни даже какой-нибудь заваливающей записочки. И это вместо обещанной свадьбы в Ницце, медового месяца на Лазурном Берегу и виллы чуть ли не в Сен-Тропе! Где теперь искать этого недоноска?

Вполне возможно, тридцатилетний Аркаша был вполне доношен, но внешностью и статью на полноценного мужика все равно не тянул. Других таких малорослых любовников у Любы, с наивных семнадцати до сознательных двадцати пяти лет, еще никогда не водилось. Но те, высокие и статные, которые попадались ей на жизненном пути, не являлись служащими Центробанка и не имели столь сказочных перспектив, как невзрачный Аркаша Сурин. От его многозначительных намеков на сказочное богатство, которое уже не за горами, у Любы пересыхало во рту, а кое-где, напротив, наблюдалось непроизвольное увлажнение. Она была готова следовать за таким завидным женихом хоть на край света, даже на Каймановы острова или какой-нибудь Барбадос. Одним словом, к черту на кулички, лишь бы отель там имелся поприличнее.

Для этого Аркаше стоило только пальчиком ее поманить, что он, собственно говоря, в свое время и сделал. И даже то обстоятельство, что ничего, кроме указательного пальца, он толком пускать в ход не умел, не слишком смущало Любу.

Приблизительно раз в неделю он приглашал ее в свое двухкомнатное холостяцкое гнездышко на Кутузовском проспекте. Традиционный ужин при свечах, надрывный голос Хулио Иглесиаса из музыкального центра плюс обязательная программа в постели, которая никогда не длилась дольше пятнадцати минут. Поначалу Любе действовала на нервы манера Аркаши в самый интересный момент отстраняться и заканчивать начатое, так сказать, собственноручно, но постепенно она притерпелась к этой странности любовника. Тем более что самое интересное начиналось как раз потом.

Вооружась длинной сигаретой, Аркаша принимался обстоятельно рассказывать, как все то же самое будет происходить в совершенно ином, заморском, интерьере. Это получалось у него так убедительно и красочно, что Любе начинало казаться, будто за окнами московской квартиры уже высятся тропические пальмы, снаружи дожидаются ее бассейн с подсвеченной водой и собственный «Кадиллак» непременно розового цвета. Ну и прочие приятные мелочи быта, ради которых истинные ценительницы прекрасного готовы хоть душу дьяволу продать, хоть годами смотреть бесконечные сериалы, содержание которых можно уместить на страничке машинописного текста.

Аркаша стал для Любы чем-то вроде сказочного гнома, способного исполнить любые, самые заветные желания. Да, про себя она звала своего любовника «недоноском» и «мальчиком-с-пальчиком», но именно с ним связывались все ее самые светлые и смелые мечты. Сюжет грез был предельно прост: шикарный антураж, а на его фоне она, Люба, у которой, помимо шейпинга с шопингом, никаких других забот и обязанностей не имеется. У нас сплошная фиеста с перерывом на сиесту. А у вас?

Внезапное исчезновение Аркаши стало для Любы настоящей катастрофой. Тем более что вместо него возникли всякие подозрительные личности с недобрыми взглядами и стандартными вопросами по поводу местонахождения жениха. Одни демонстрировали Любе какие-то удостоверения, именуя Аркадия гражданином Суриным. Другие вламывались в ее квартиру без всяких ордеров, зато с оружием, и в их интерпретации Аркадий превращался уже в «пидора», иногда даже «гниюного». Подобные визиты продолжались что-то около недели, а

вчера Любу впервые оставили в покое, но нервишки у нее за это время успели основательно расшататься.

Нервно поправив на ходу пепельные волосы, уложенные в кукольную прическу, она шагала по тротуару, привычно ловя на себе взгляды прохожих. Эх, если бы это происходило на набережной в Каннах! В Москве же, где почти у каждого пешего мужчины на физиономии написан среднестатистический прожиточный минимум, строить глазки встречным не было никакого смысла. Вот Люба и смотрела прямо перед собой, поверх проплывающих мимо фигур. И столкновение с одной из них стало для нее полной неожиданностью. Кто-то шагнул ей наперерез, она не успела принять в сторону и...

– Ох! – Больно ударившись грудью о чье-то твердое, чуть ли не каменное плечо, Люба подвернула ногу, сбилась с шага и разозлилась, представив себе, как нелепо выглядит со стороны.

– Прошу прощения, – обеспокоился мягкий баритон.

– Прощения он просит! Торчит на дороге как... – Запнувшись, Люба совершенно забыла, что намеревалась сравнить обладателя баритона в лучшем случае с телеграфным столбом.

Это был очень, просто-таки очень обаятельный молодой человек с белозубой улыбкой и тонким ароматом одеколона, распространявшимся вокруг ровно на полметра, что, как показалось Любе, говорило об отменном вкусе незнакомца. Стоило ей шагнуть назад, и запах парфюмерии исчез, зато очень хорошо стали видны глаза мужчины – карие, притягательные, как две шоколадные конфеты. Жаль, что он тут же спрятал их за непроницаемо-черными стеклами очков в форме капель. Но белизна его зубов сделалась еще более броской.

Деликатно тронув Любу за обнаженное по-летнему плечо, симпатичный незнакомец озабоченно поинтересовался:

– Не ушиблись?

– Нет, нет, что вы. – Любе показалось, что она ощутила кожей легкий укол, но незнакомец уже убрал руку, на которой сверкнул серебром массивный браслет часов.

– Вы уверены? – Мужчина заглянул ей в глаза. – А мне кажется, что вы побледнели.

– Да все в порядке, не беспокойтесь!

Улыбка у Любы почему-то не получилась, на сердце сделалось тревожно, тягостно. И в ушах неприятно зазвенело. А изображение мира слегка смазалось, поплыло, как в некачественном фильме. Спешащие мимо прохожие превратились в темные силуэты. «Какие-то причудливо вытянутые тени, а не люди. Жарко, – подумала Люба, покачнувшись. – Жарко и очень душно».

– Эй! Вы меня слышите? Что с вами?

Окружающие звуки как будто разом отключили. Абсолютно все, кроме этого мягкого баритона, который вдруг стал почти громогласным.

– Душ...

Люба хотела пожаловаться мужчине на невыносимую духоту, но язык перестал повиноваться ей. Мысли сделались коротенькими, отрывочными. *Белозубая улыбка... Прикосновение к плечу... Укол... Браслет часов...*

– Я вам сейчас помогу, девушка. Ну-ка, обопритесь на меня, – строго сказал незнакомец. Без погасшей улыбки все его обаяние бесследно испарилось. Солнце отражалось в его очках двумя сверкающими точечками, которые казались теперь его настоящими глазами – хищными, беспощадными.

«Оставьте меня!» – этот крик остался невысказанным. Люба внезапно поняла, что ни в коем случае нельзя позволить мужчине увести себя из людного места, но покорно шла в ту сторону, куда он ее направлял. Ноги передвигались сами собой, готовые подкоситься в любой момент. Если бы не сильные руки, поддерживающие ее, так оно и случилось бы. Но Люба уже готова была расшибить коленки об асфальт, лишь бы не двигаться покорно в направлении

стоящего поодаль автомобиля. Незнакомец теперь внушал ей страх, усиливающийся с каждым мгновением. Словно кошмарный оборотень, прокравшийся в сон, вел ее. И этот оборотень бормотал что-то успокаивающее:

– Сейчас усажу вас в машину, напою холодной водичкой, отвезу домой.

Все это было ложью. По щеке Любы скользнула одинокая слезинка, которую никто не заметил. Заплакать по-настоящему девушка так и не сумела, потому что волна забытья нахлынула на нее и унесла туда, где нет ничего, кроме темноты.

Последняя ее мысль была о пончиках, о чудесных пахучих пончиках в сахарной пудре, которых она уже никогда не надеялась попробовать.

Глава 2

Ищите мужчину

Датчики, установленные на окнах просторного кабинета, были столь чувствительными, что реагировали даже на ничтожный вес мухи. Подобная предосторожность исключала присутствие еще более вредных насекомых из породы вездесущих «жучков». Для обнаружения дистанционного прослушивания рамы были оснащены специальными локаторами, способными уловить направленный сигнал извне и включить автоматическое экранирование. А сами оконные стекла обладали такой повышенной прочностью, что сквозь них в кабинет не смогли бы вломиться даже отчаянные соборвцы, приди им в голову безрассудная мысль штурмовать самое знаменитое здание на Лубянке.

Доступ в этот кабинет имели лишь сотрудники учреждения, да и то не все. А по доброй воле здесь вообще появлялись считанные единицы. Остальных вызывали или приглашали – в зависимости от их ранга, значимости, степени оказываемого им доверия. Предложения садиться удаивались здесь далеко не каждый, а те, кому выпадало счастье его услышать, невольно напрягались, ибо и по-прежнему в подсознании многих жила память о тех временах, когда *сесть* (и надолго) боялись даже сотрудники всемогущего КГБ. Хозяин кабинета прекрасно знал это. Поэтому он никогда никому не предлагал *присаживаться*. Любая иерархия строится на системе больших и маленьких страхов. Лучше одним больше, чем одним меньше. Такова нехитрая арифметика дисциплины. Энная сумма страхов подчиненных за минусом их симпатий дает в итоге беспрекословное подчинение. Вычитай и властвуй. Если, конечно, умеешь обходиться без любви.

Хозяин кабинета умел. Он давно свыкся со своими генеральскими погонами, как притерпелся к искусственной почке или к постылой супруге, с которой прожил бок о бок без малого тридцать пять лет. Он догадывался, что на этих трех китах зиждется само его нынешнее существование. Отторгнись почка, умри жена, случись отставка – и добро пожаловать в сумеречную зону старческого маразма, товарищ бывший генерал. Перед носом ложечка с манной кашкой, под задницей переполненная утка, в руке тетрадь с черновиками мемуаров, которые никто никогда не прочтет. Так что у генерала имелись свои собственные страхи, дисциплинирующие его не хуже начальства. Его работоспособность с годами переросла в настоящий фанатизм. Предпочитая носить штатское, он всегда находился в форме. В наилучшей форме генерал-майора ФСБ.

Перед ним на массивном палисандровом столе лежала папка со сведениями о человеке, приглашенном на 11.15. Генерал никогда не считывал информацию с компьютера, полагая, что линзы на глазах станут не лучшим дополнением к искусственной почке. А подобные папки он никогда не именовал новомодным словечком «досье». Дело – оно и есть дело, потому что ему всегда можно дать ход. Так точнее и ближе к истине.

Для того, чтобы ознакомиться с содержимым папки, генералу было достаточно пятнадцати минут. Его взгляд оставался цепким, память – безупречной, логика – совершенной, чтобы оценивать людей с ходу, выделяя главные черты их характеров и ключевые моменты биографий. Это только кажется, что жизнь человеческая длинна, загадочна, непостижима. Уложи ее в пару десятков страниц и прочти. От величайшей загадки природы останутся лишь голые факты, среди которых любопытных наберется не так уж много. Вот вам и венец творения...

Генерал отхлебнул минеральной воды из высокого стакана, открыл папку, зашелестел страницами плотной финской бумаги.

Итак, Громов Олег Николаевич, уроженец Курганска. В свои сорок два года всего-навсего майор, что многое говорит о его умении делать карьеру. В послужном списке такие горячие

точки, как Афганистан, Таджикистан и даже Ангола. Награды попеременно с ранениями. Орден «За службу Родине» третьей степени, серебряная медаль «За отвагу», крест «За личное мужество». И парочка дисциплинарных взысканий, которые перечеркнули весь прежний героизм. Все правильно – генерал автоматически кивнул – на строптивости, самомнении и дерзости в полковники не выбьешься. Для этого нужны совсем иные качества, которые у майора Громова почти напрочь отсутствуют, как и элементарное чувство самосохранения. В заключении психоаналитика так и сказано:

«Склонен к неоправданному риску. За импульсивность характера получил прозвище Гром, которое сохраняется за ним с юношеских лет. Подчиняется субординации неохотно, в критической ситуации способен выйти из повиновения. Замкнут, нелюдим. Зачастую проявляет полное пренебрежение к человеческой жизни, в том числе и к своей собственной. Непредсказуем. Своенравен».

Генерал неопределенно хмыкнул. Чем же занимался этот своенравный майор в последние годы? Как, обладая таким гонором, умудрился попасть в Москву из своей отдаленной провинции?

Ну-ка, ну-ка...

До перевода в столицу Громов возглавлял аналитический отдел при Курганском управлении ФСБ. «Так называемый аналитический отдел», – уточнил генерал мысленно, потому что прекрасно знал, о чем идет речь. Подобные подразделения негласно существовали до недавнего времени во всех областных управлениях, занимаясь преимущественно контролем за деятельностью преступных группировок. Весь анализ сводился к составлению заупокойных прогнозов относительно лидеров, и тут специалисты ФСБ редко ошибались. Гибли лидеры, гибли один за другим, да так удачно, что смерть любого запросто можно было списать на криминальные разборки.

Казалось бы, в МВД должны были только радоваться столь удачному стечению обстоятельств, но на деле все обстояло иначе. Когда криминальные авторитеты слишком уж зачастили на тот свет, Президент получил настоящую петицию, в которой возмущенное милицейское начальство требовало, чтобы комитетчики оставили их клиентуру в покое. Ведь бандиты не являются агентами иностранной разведки, террористами или фальшивомонетчиками, они не призывают к свержению существующей власти и не имеют доступа к государственным тайнам. Следовательно, не представляют собой угрозу национальной безопасности и не попадают в сферу интересов ФСБ. Якобы не попадают, как привычно отметил про себя генерал, которому было отлично известно, какого угрожающего размаха достигла организованная преступность в России, несмотря на кажущееся затишье.

Волки обрядились в овечьи шкуры, вот и все. Назвались олигархами, сенаторами, бизнесменами, инвесторами. Никакой метаморфозы с ними от этого не произошло. Как показывает практика эксгумации, людей подобного типа меняет лишь могила. Зато самым кардинальным образом.

Похоже, того же мнения придерживался и майор Громов. Еще до того, как его аналитический отдел был расформирован, он успел лично ликвидировать не только местного авторитета по кличке Хан, но и отправить вслед за ним чуть ли не десяток его приспешников. К очередному званию майора не представили, новой наградой не осыпали. Учитывая, что, в соответствии с секретным заданием, он должен был лишь легко ранить Хана, это и не удивительно. Странно, что вольный стрелок не вылетел из Службы безопасности вообще без погон... и без своей бесшабашной головы.

Генерал безразлично поворошил копии рапортов, служебных записок, докладных. Письменного объяснения самого Громова среди документов не обнаружилось. Его дело просто обрывалось на этом эпизоде. Белое пятно. Пустота. А генерал не любил иметь дела с людьми, о которых знал меньше, чем они о себе сами. Про майора Громова из Курганского управления

ФСБ ему теперь было известно все или почти все. Зато майор Громов специального подразделения ЭР оставался для него полной загадкой. Почти такой же, как и само подразделение.

Оно было создано при ФСБ по секретному указу Президента полгода назад и, по всей вероятности, подчинялось самому Президенту или его администрации, хотя это нигде не отображалось документально. Формально генерал возглавлял это подразделение, но понятия не имел о его деятельности и задачах. Бараном, уставившимся на новые ворота, – вот кем почувствовал себя генерал, когда был поставлен перед фактом. Старым бараном, которому указали его место.

Необходимость лично ввести в курс дела какого-то выскочки из Курганска угнетала генерала, хотя в глубине души он признавал оправданность такой меры. Любая огласка, утечка информации, без которой не обойтись при проведении крупномасштабной операции, означала ее провал, независимо от конечного результата. Иногда приходится делать ставку на разных темных лошадок с непредсказуемым норовом, тут ничего не попишешь, успокаивал себя генерал, отодвинув папку на край стола. Таковы реалии, и с ними нужно мириться. Ведь все равно не отмахнешься ни от существования неподвластного тебе подразделения ЭР, ни от присутствия майора Громова в твоей приемной. Кстати, пришла пора познакомиться с ним поближе.

Генерал взглянул на именные часы, надетые на запястье его левой руки самим Владимиром Ефимовичем Семичастным, главой КГБ СССР до начала брежневского застоя. Происходило это в Клубе имени Дзержинского на Большой Лубянке, 12. В последнее время, сверяясь с часами, генерал частенько вспоминал, что прощание с Владимиром Ефимовичем проходило в том же клубе, на той самой сцене. И тогда холодок полз по генеральскому хребту, словно ледяные пальцы смерти игриво пересчитывали его позвонки.

Обнаружив, что он тупо смотрит на циферблат, перестав ориентироваться во времени, генерал раздраженно прикрыл часы рукавом пиджака. До назначенного времени оставалось каких-то две минуты, и он решительно утопил клавишу селектора, чтобы буркнуть в пространство:

– Нина Михайловна, пусть этот, гм... Громов войдет.

Динамик выдал озадаченную паузу, прежде чем признать голосом секретарши:

– В приемной такого нет. Запросить бюро пропусков?

– Не стоит! – отрезал генерал, почувствовав, как от негодования у него дрогнули головные связки. – Вызовите ко мне начальников третьего, шестого и восьмого отделов. Громов, как соизволит появиться, пусть ждет.

– У вас на двенадцать назначено совещание, – осторожно напомнила секретарша.

«Вот и отлично, – ответил генерал мысленно. – И это мероприятие я постараюсь растянуть сегодня до самого вечера, чтобы всякие выскочки не мнили о себе слишком много».

– Я помню, – произнес он вслух. – И не собираюсь отменять совещание ради какого-то майора Громова. Зато у него будет достаточно времени, чтобы разобраться со своими часами и настроиться на московское время.

Насупившись, генерал достал из стола упаковку таблеток и потянулся к стакану с водой, однако проглотить лекарство не успел, вздрогнув от неожиданности, когда селектор доложил бесстрастным мужским голосом:

– Мои часы в полном порядке.

– Что? – Стакан выпал из генеральской руки, но не разбился, а мягко покатился по ковровому покрытию, расплескивая остатки минералки.

– По московскому времени сейчас ровно пятнадцать минут двенадцатого, товарищ генерал, – бесстрастно продолжал селектор все тем же ровным тоном, после чего опомнилась и секретарша:

– Вы... майор Громов? – даже механический тембр громкоговорящей связи не мог скрыть ее растерянность.

– Совершенно верно, – подтвердил ее невидимый собеседник. – Как видите, прибыл. Я могу войти?

Угрюмо уставившись на чересчур разговорчивый селектор, генерал буркнул:

– Входи, Громов. – Обращаться на «вы» он умел только к трем-четырем людям в государстве. Незнакомый майор явно не входил в их число.

– Есть! – это прозвучало не без некоторой лихости.

Он возник в дальнем конце кабинета почти мгновенно, аккуратно прикрыл за собой дверь и замер, ожидая приглашения пройти дальше. Поколебавшись, генерал призывно мотнул головой. Почему-то он не сумел выдать из себя даже коротенького слова приветствия. Этот Громов, выскочивший как чертик из табакерки, вызывал у него слишком много противоречивых эмоций, среди которых преобладали раздражение и невольное любопытство. Миновать все контрольные посты на пути в генеральский кабинет было делом достаточно хлопотным. Чужаки обычно являлись сюда загодя, чтобы не застрять где-нибудь на полпути. Громов же умудрился рассчитать свое прибытие с точностью до минуты. Учитывая, что никто не позволил бы ему бесцельно шляться по третьему этажу, это был эффектный, но рискованный трюк. На грани фола.

– Садись, – буркнул генерал, когда майор опять застыл перед ним в позе немого ожидания.

Тот опустился на выдвинутый стул с таким непринужденным видом, словно ему было не впервой сидеть в присутствии высших чинов. Его лицо выражало сосредоточенное внимание и должную почтительность. Но на приветствие он все-таки тоже не расщедрился. Лишь учтиво наклонил голову при подходе и тотчас вернул ее в исходное положение. А сидела она у него на плечах ладно, этого генерал не мог не признать. И взгляд майорский был под стать осанке – прямой, немигающий. Проверив его на твердость, генерал отметил про себя, что в свое время человеку с такими запоминающимися светлыми глазами цвета ртути было не просто попасть в КГБ. Вот почему майора использовали в основном для черновой работы. Слишком приметная внешность навредила его карьере ничуть не меньше, чем все отрицательные характеристики, вместе взятые.

– Знаешь, зачем я тебя вызвал, майор? – спросил генерал, покосившись на стакан, откатившийся слишком далеко, чтобы до него можно было дотянуться, не поднимаясь со своего места. Ему пора было принимать лекарства, но он заставил себя сдержаться. Подчиненные не должны подозревать о существовании хворей и болячек у своего начальства.

– В общих чертах. – Произнеся эти слова, Громов выжидающе посмотрел на генерала.

– И что же тебе известно?

Громов пожал плечами:

– Исчез человек. Мне предстоит его найти. Вы должны ознакомить меня со всей информацией по этому делу.

– Должен? – хмыкнул генерал. – Неужели?

Новое пожатие плечами:

– Я должен ознакомиться с информацией, имеющейся в вашем распоряжении. Так?

Осмыслив уточнение, генерал подумал, что хрен редьки не слаще, даже наоборот. Он даже закусил нижнюю губу, как бы пробуя на вкус услышанную реплику, прежде чем продолжить:

– Искать человека будешь в Сочи, майор. В том самом городе Сочи, где темные ночи. ОВД и Краснодарское управление ФСБ в случае необходимости тебе подсобят, но посвящать их в суть дела строго воспрещается. Если произойдет утечка информации, считай, что задание отменяется. Вместе с твоей дальнейшей биографией, майор.

Серые глаза Громова потемнели до оттенка пасмурного неба в морозный день. Никаких других признаков того, что угроза воспринята и правильно понята, генерал на его лице

не заметил, сколько ни вглядывался. Поэтому он уткнулся взглядом в дальнюю стену своего кабинета и заговорил, привычно сокращая предложения так, чтобы каждое из них усваивалось как можно лучше:

– С делом ознакомишься чуть позже, майор. Здесь, в соседнем кабинете. На копию можешь не рассчитывать, так что будь предельно внимателен. А сейчас просто слушай. Я два раза повторять не буду. – Сделав значительную паузу, генерал перешел к сути задания.

Международный валютный фонд выделил России очередной кредит в сумме 4 миллиарда долларов. Первый транш открылся неделю назад, и по электронным каналам в Центробанк были направлены оговоренные 1 200 000 000 долларов. Но в момент перечисления вся компьютерная сеть банка вышла из строя. Когда систему удалось кое-как наладить, обнаружилось, что никакого зачисления на спецсчет не произошло. Казалось бы, ерунда – ведь не вагон настоящих долларов пропал, а всего-навсего электронное послание, продублировать которое не составит большого труда. Но в том-то и дело, что заранее перепрограммированные компьютеры Центробанка зачислили деньги МВФ неизвестно на какой счет. Кто перехватил миллиард с лишним?

Задав этот вопрос, генерал уставился на собеседника с таким видом, словно требовал от него немедленного и совершенно исчерпывающего ответа. Громов едва заметно пожал плечами:

– Рано или поздно это выяснится.

– Разумеется, – кивнул генерал. – Но скорее поздно, чем рано. В итоге скандал на весь мир, закидывание криминальной России тухлыми яйцами и закрытие кредитной линии. Это в лучшем случае. Если же деньги, не приведи господь, попали к каким-нибудь сраным экстремистам-террористам и будут истрачены на закупку оружия, то о существовании МВФ можно вообще забыть на ближайшее столетие. – Генерал пристукнул ладонью по столу, подчеркивая важность сказанного.

– Поэтому полномасштабная операция ФСБ в настоящий момент исключается, – подхватил его мысль Громов, воспользовавшись паузой.

– Именно, – подтвердил генерал, неодобрительно поморщившись. За долгие годы, проведенные в этом кабинете, он отвык выслушивать чужое мнение, так как ему вполне хватало своего собственного. – Нельзя допустить ни малейшей огласки, – сказал он угрюмо. Это как с триппером в благородном семействе. Лечится быстро и проходит бесследно, если о нем никто не узнает. А иначе... – Генерал задумался о чем-то своем, насупился, но вдруг тряхнул седой головой и решительно закончил: – Одним словом, будешь действовать в одиночку, майор. На свой, что называется, страх и риск.

– Есть действовать в одиночку, – браво откликнулся Громов. И непонятно было, то ли он действительно гордится оказанной честью, то ли просто ваньку валяет.

– Не очень-то веселись, – предупредил генерал. – В случае успеха честь и слава, конечно, тебе одному. Зато в противном случае, гм... В общем, салюта, почетного караула и торжественных речей на твоих похоронах не будет, учти.

Громов опустил глаза, отряхивая какое-то невидимое пятнышко на лацкане пиджака. Когда он заговорил, его голос звучал так, словно по-прежнему раздавался из селектора:

– Могу я узнать поподробнее о человеке, которого должен найти?

– Можешь, – подтвердил генерал, в глубине души потрясенный тем, что опять не заметил на лице собеседника ни малейших признаков беспокойства. – Для этого ты здесь и находишься, майор.

Казалось, в последней фразе не прозвучало ничего, кроме язвительности. Однако генеральская жена несказанно удивилась бы, услышав, как ее муж разговаривает с подчиненным. Именно таким тоном генерал обращался к своему старшему сыну, любовь к которому тщательно скрывал от всех – в том числе и от себя самого.

Так и не дождавшись от Громова хотя бы вопросительного взгляда, генерал, недовольно хмурясь, заговорил снова:

– Паскудника, которого ты должен достать хоть из-под земли, величают Суриным Аркадием Викторовичем. Числился он сотрудником Центробанка, с недавнего времени возглавлял информационно-технический отдел, был на хорошем счету. Коллеги по работе в один голос твердят, что он компьютерщик от бога. Гений в своем роде. Всякие «пентиумы» для него такая же премудрость, как для нас с тобой бачок унитаза. Вот и слил миллиард с лихуем, хакер-шмакер, чтоб ему...

Оборвав тираду, генерал демонстративно забросил в рот крошечную оранжевую таблетку, запил ее водой прямо из горлышка бутылки и с вызовом посмотрел на Громова.

Тот терпеливо ждал продолжения, глядя прямо перед собой. Казалось, своего собеседника он не видит в упор, хотя слушает с предельным вниманием. Сердито посопев, генерал заговорил снова:

– За две недели до ЧП Сурин ушел в отпуск. Сотрудникам сказал, что собирается в свадебное путешествие с некой Любовью Павловной Бородиной, о ней узнаешь позже. Да только врал Сурин. Исчез он. Испарился. Лег на дно. А вчера неожиданно всплыл на сочинском побережье. – Сделав значительную паузу, генерал уточнил: – В буквальном смысле всплыл, в качестве утопленника. Сейчас он находится в море. В московском, между прочим. Отсюда пятнадцать минут ходу.

Громов приподнял бровь:

– В чем же тогда заключается моя задача? Трупы показаний не дают, насколько мне известно.

– Ошибаешься! – Генерал криво улыбнулся. – Настоящий чекист и мумию египетскую разговорит, если потребуется. Об этом анекдот когда-то ходил, помнишь?

– Да, – кивнул головой Громов. – Это был очень смешной анекдот. Его рассказывали мимоходом, в шутку, а садились всерьез и надолго. Получалось что-то около года заключения за каждое предложение. Но...

Он замолчал, хотя генерал и без слов догадался, что осталось недосказанным. «Но мы ведь не анекдоты собрались друг другу рассказывать».

– Возиться с трупом нет никакой необходимости, – успокоил он майора. – Подкидной он. Инсценировка. Тело пробыло в воде достаточно долго, сильно пострадало, отпечатки пальцев идентификации не поддаются. Доблестная сочинская милиция зарегистрировала утопленника как Сурина на том основании, что при нем был обнаружен бумажник с квитанциями, выписанными на эту фамилию. Работники банка опознавали его не по лицу – от него практически ничего не осталось, а по фигуре. Щуплый, маленький. Глянули мельком, покивали и побежали блевать. Вот и все опознание.

– А более надежных очевидцев разве не нашлось? – быстро спросил Громов, вскинув голову. Впервые за всю беседу он казался по-настоящему заинтересованным, его зрачки азартно засеребрились, как две монеты на солнце. – Взять хотя бы любовницу, о которой вы упоминали...

– Взять эту красотку, конечно, было бы неплохо. – Вспомнив фотографию Любаши Бородиной, приложенную к делу, генерал сделал в воздухе жест, который ему самому показался лишним и непристойным. Точно подвыпивший хам официантку за зад размашисто облапил. Заняв шкодливую руку перебиранием бумаг на столе, он откашлялся и угрюмо буркнул: – Пропала она сегодня утром. Надо полагать, навсегда.

– Неужели за ней не было установлено наружное наблюдение? – изумился Громов.

– Была «наружка», как не быть. – Генерал вздохнул. – Двоих, которые вели Бородину до Чистых Прудов, положили прямо в машину. Стреляли в упор сквозь открытое окно из автоматической «беретты» с глушителем. Парни даже сообразить не успели, что их убивают среди

бела дня. У одного непрожеванная котлета во рту осталась. Домашняя, между прочим, как отмечено в сводке. Жена, видать, «тормозок» собирала.

– Или мать.

– Что? – встрепнулся генерал, уставившись на майора тяжелым испытующим взглядом. Он всегда выходил из задумчивости трудно, как из крепкого сна.

– Я говорю, «тормозок» убитому могла собрать и мать, – повторил Громов, и не думая отводить глаза. – Кстати, родители Сурина могли бы опознать тело сына лучше кого-либо другого.

– Ах, какие мы проницательные! – Генеральский голос сделался язвительным. – Без тебя сообразили, что пришло время их побеспокоить.

– И?..

Громов не успел закончить вопрос, потому что генерал рявкнул, наклонившись к нему через стол:

– И тут тоже маху дали оперативнички хреновы! – От надсадного крика у генерала запершило в горле, и, откашлявшись, он был вынужден понизить голос. – Пока они у подъезда перетаптывались, Суриных заточками закололи прямо на пороге их квартиры. Якобы ограбление. Убийцы – два молодых человека 20–25 лет, личности которых сейчас устанавливаются. При попытке задержания оказали сопротивление и были убиты на месте. – Генерал грузно опустился на место и выдохнул воздух из легких с такой силой, что листы бумаги на его столе затрепетали. Помолчав некоторое время, он устало произнес: – Вот такие пироги. Развалили контору, угробили. Еще лет десять назад даже представить себе было нельзя такое позорище. А теперь? Что скажешь, майор?

– Скажу: надо срочно разыскать остальных родственников Сурина. – Громов уклонился от обсуждения щекотливой темы. Он не был силен в пространных рассуждениях. Челюсти сразу начинала сводить невольная зевота, а много ли умного наговоришь в таком состоянии?

Генерал встал, вышел из-за стола, заложил руки за спину и молча двинулся в обход кабинета, моментально сделавшись похожим на персонажа какого-то старого фильма о доблестных комитетчиках. Следить за ним, выворачивая шею, было неудобно. Развернуться вместе со стулом к нему лицом? Генерал в любой момент мог вернуться на свое место, и тогда пришлось бы повторять маневр. Чтобы не суетиться попусту, Громов тоже поднялся и, изобразив такую же задумчивость, приблизился к окну. Все равно до конца аудиенции оставалось меньше десяти минут, так что засиживаться было некогда.

От созерцания площади, расстилающейся внизу, его оторвал сухой генеральский голос:

– Повернись сюда и слушай, майор. Внимательно слушай. Я вообще-то молодых да ранних не люблю, тут ничего не попишешь – возраст. Но тебе все же зацепку дам, поделюсь с тобой своими соображениями. – Остановившись напротив Громова, генерал коротко глянул на него из-под седых бровей, после чего опять принялся прохаживаться по кабинету, продолжая говорить на ходу. – На дядюшек и тетюшек суринских время попусту не трать, лишнее это. Никакого опознания не требуется. Все и так ясно.

– Ясно? – Громов недоверчиво приподнял уже не одну бровь, а сразу обе. Более красноречивого проявления скептицизма он себе позволить не мог.

Генерал его реплику проигнорировал, развивал свою мысль дальше, и вид у него при этом был такой отстраненный, словно он беседовал сам с собой.

– Искать нужно тех, кто подкинул утопленника с документами Сурина, – говорил он, выписывая перед стоящим навтыжку Громовым сложные петли. – Эти люди прекрасно знали, что после пропажи денег его будут искать, они позаботились о том, чтобы мы его нашли и на этом успокоились. Но они не учли одной маленькой детали. – Генеральские пальцы показали, какой именно. – При Центробанке имеется своя клиника, а в ней – стоматологический кабинет. Сурин накануне отпуска запломбировал там два верхних боковых зуба. У обнаруженного

трупа эти самые зубы вообще отсутствуют, сгнили давно на хрен. А что касается квитанций за телефонные переговоры и прочей ерунды, то они вполне могли храниться в автомобиле Сурина, угнанном, между прочим, из гаража.

– Может быть, Сурин на нем и уехал? – предположил Громов.

– Исключено. Замки гаража взломаны. Угнанная «Тойота» обнаружена в Измайлове. Ее, по идее, хотя бы выпотрошить должны были, как бабу в гинекологическом кабинете, а она нетронутая осталась. Японская целочка, понимаешь. Ха! – Заключительный смешок прозвучал с полувопросительной интонацией. Как, мол, тебе, майор, генеральский юмор? Оцени по достоинству и повеселись вместе с расположенным к тебе начальством.

Однако Громов не сделал даже слабой попытки откликнуться на шутку хотя бы вежливым подобием улыбки. Сохраняя подчеркнуто серьезное выражение лица, он задумчиво протянул:

– А что, если Сурин сам и...

– Инсценировал свою смерть? – быстро продолжил генерал, остановившись как вкопанный. – Вздор. – На этом коротеньком слове его нижняя челюсть решительно выдвинулась вперед. – Для этого Сурина надо было одновременно находиться сразу в нескольких местах. Похитить любовницу, ликвидировать оперативников, следивших за ней, зарезать собственных родителей, а самому при этом еще умудриться «утонуть» в Черном море. И потом, не забывай, что убийцы его родителей даже от рукояток своих заточек избавиться не успели.

– Заказ? – Громов привык отрабатывать каждую версию до последнего.

– Тоже отпадает. – Генерал медленно покачал головой. – Не тот человек Сурин.

– Высокие моральные устои?

– Какие там моральные устои в наше время! Дело в другом. Что касается компьютеров – тут Сурин гений, спору нет. Но это, как сейчас принято говорить, виртуальная реальность. А в настоящей жизни самостоятельности этого парня только на подтирание собственной задницы хватало. Он же из того поколения, которое как выбрало пепси, так и сосет его из бутылочки по сей день. – Генерал скривил губы так, словно хотел сплюнуть себе под ноги прямо на ковер, и сдержаться ему стоило немалых усилий. Эта брезгливая гримаса не исчезла с его лица, когда он продолжил свою мысль: – Теперь главное, майор. Замутить перечисленный миллиард Сурин вполне мог, это факт. Открыл заранее банковский счет, перепрограммировал компьютеры. Дело техники. А вот положить столько народу у него бы ни силенок, ни духу не хватило. Он бы, возможно, и хотел, да кишка тонка. Оознакомишься с его делом – сам придешь к такому выводу. Остается два варианта. Либо он плясал под чужую дудку, и тогда...

– И тогда его попросту убрали бы после исполнения задания, вместо того чтобы подбрасывать «левый» труп, – закончил Громов за генерала.

– В принципе верно, но перебивать меня команды не было, майор, – буркнул тот, бросив взгляд на часы. – Дискутировать мне с тобой некогда, да и желания такого нет. Я говорю, ты слушаешь. Это называется субординацией, если такое понятие тебе знакомо. Доводилось слышать такое слово?

– Так точно, – заверил его Громов и, заметив на генеральском лице сильнейшее сомнение, для убедительности прищелкнул каблуками.

– Ты мне здесь не юродствуй! Адьютант его превосходительства какой выискался, понимаешь! – После этого яростного окрика генералу потребовалось не меньше минуты, чтобы взять себя в руки. Когда он заговорил снова, его по-бульдожьки обвисшие щеки несколько раз возмущенно дрогнули. – В этом кабинете ты всего-навсего майор ФСБ, а я твой генерал. Про подразделение свое секретное забудь, оно тебе не поможет. Никто тебе теперь не поможет, не надейся. Провалишь задание – твое же начальство тебя по стенке и размажет. В ближайшем подвальном коридорчике. – Генерал сердито крикнул и, отвернувшись, бросил через плечо: – В общем, хреновые твои дела, майор. Бывает, начальству действительно важен результат,

а случается – нужен просто виновник провала операции, уж поверь мне на слово, я знаю, о чем говорю. Потому, если не хочешь стрелочником оказаться, воспользуйся тем малюсеньким шансом, который я тебе даю.

– А он существует, шанс?

То, что Громов не удержался от этого вопроса, сказало генералу больше, чем невозмутимое выражение, которое застыло на его лице. Кивнув, он подтвердил:

– Думаю, да. Тот самый второй вариант, о котором я упомянул. Его и отработывай, не отвлекаясь ни на что другое. – Генерал приблизился к Громову, как будто хотел, чтобы каждое слово, произнесенное им, дошло до собеседника. – Итак, Сурин отправил перечисленные деньги в только ему известном направлении и скрылся. Теперь представь себе, майор, что об этом узнал какой-нибудь крутой деятель из нынешних. Не фунт изюму ведь пропал, а миллиард. Начинаются поиски беглеца. Причем мафиози отлично понимает, что дальнейшей судьбой Сурина интересуется не он один, – это и дураку ясно. Вот он и подсутился: устроил весь этот дешевый спектакль, чтобы сбить нас со следа. Но тут возникает один интересный вопрос, на который ты, майор, должен найти ответ. Вникай. Почему утопленник подходящей комплекции был найден на берегу Черного моря, а не какого-нибудь Клязьминского водохранилища? А?

Повинуясь требовательному взгляду генерала, Громов медленно произнес:

– Думаю, потому что настоящий Сурин каким-то образом действительно засветился в Сочи.

– Вот! – Генерал многозначительно поднял палец. – Там и ищи его, в Сочи. Если он еще жив, с курорта ему никуда не деться, это я тебе гарантирую, майор. Остальное зависит от твоего умения и везения. Выйдешь на след тех, кто подбросил нам утопленника, оттуда и до Сурина рукой подать. Возьмешь за шкуру Сурина – считай, миллиард уже в кармане. Не у тебя, конечно. У государства.

– Так оно спокойнее, – усмехнулся Громов.

Он стоял спиной к освещенному солнцем окну и казался генералу темным силуэтом. Лишь серые глаза выделялись на его лице. Словно светились изнутри.

– Иди, майор, – он устало махнул рукой. – Вылетай в Адлер первым же рейсом. И очки себе черные купи, что ли.

– Зачем? – искренне удивился Громов.

«А чтобы южным солнышком напоследок вволю полюбоваться, своих глаз приметных не жмуря», – ответил генерал мысленно, хотя произнес совсем другие слова:

– На войне как на войне, а на курорте как на курорте.

– Есть – приобрести черные очки, товарищ генерал. Разрешите идти?

– Уже разрешил. – Генерал демонстративно отвернулся. Он ведь с майором не поздоровался. И прощаться теперь не намеревался тоже. Почему-то ему казалось, что это будет дурным предзнаменованием.

Глава 3

Между прошлым и будущим

Иногда человеку необходим новый отсчет времени. Позади пропасть, впереди полная неизвестность, все начинается сначала, и жизнь с какого-то момента делится на *до* и *после*. У каждого он есть, такой момент, только не все его замечают. Некоторые воображают, что они – прежние, изменились лишь обстоятельства. Да только от них, прежних, ничего, кроме смутных воспоминаний, не остается. И цепляться за эти воспоминания – дело совершенно безнадежное. Ты или тонешь, хватаясь за соломинку, или плывешь дальше. Третьего не дано.

В судьбе Громова такое четкое разделение между прошлым и будущим произошло в минувшем марте. Иногда ему казалось, что с тех пор прошла целая вечность.

Той злополучной весной Громов проводил операцию по столкновению двух главных преступных группировок Курганской области. Одну из них возглавлял ныне покойный Хан. Вторую – уцелевший Итальянец. Поводом для конфликта послужил миллион долларов, который увел из-под носа Хана затаивший на него зуб молодой человек, носивший длинный кожаный плащ, а потому в оперативных разработках проходил под псевдонимом Конь в пальто. Забавный псевдоним, усмехался Громов, пока не сообразил, о ком идет речь. Молодого человека звали Жекой, и приходился он Громову зятем, вот какая незадача. В общем, забава обернулась трагедией. Вышло так, что Громов собственными профессионально чистыми руками чекиста погубил мужа родной дочери, отца своей единственной внучки. Подставил его под бандитские пули, вместо того чтобы помочь выбраться из опасной ситуации. Жека не сдрейфил, не заскулил от страха, не запросился под крылышко майора ФСБ. Взял в руки оружие и с достоинством принял смерть.

Громов видел это собственными глазами. Через снайперский прицел. Его задача заключалась в том, чтобы в ходе этой встречи Хан был только легко ранен, но винтовка в майорских руках вышла из повиновения, запоздало мстя за Жеку. Это помощь иногда поспевает вовремя, а месть, даже самая скорая, всегда запаздывает.

С того самого проклятого дня он ни разу не отважился прямо посмотреть в глаза домашним, боясь, что они прочтут в его взгляде правду о случившемся. А с глазами, которые стыдно поднять на родных и близких, дома делать нечего. Как долго можно отводить взгляд в сторону? Месяц? Год? Так это похуже врожденного косоглазия будет. Короче, с неделю Громов промаялся, а потом собрал вещички и стал жить отдельно. Ему просто необходимо было некоторое время побыть одному, совсем одному. Наедине с мыслями, с совестью. Чтобы никто не трогал, никто не донимал, не бередил раны. Ему требовался полный покой, как тяжело больному зверю, который еще не знает, заставит ли он себя жить дальше, или так больше никогда и не встанет на ноги.

От работы Громова временно отстранили. Покуда наверху решалась его судьба, он понятия не имел, что будет с ним дальше и сколько жизни ему впереди отмеряно.

Не раз и не два к нему обращались бизнесмены, мечтавшие обзавестись вышколенным служебным псом с безупречной выучкой. Все эти разные люди, нанимавшие его, являлись в его глазах абсолютно идентичными пуленепробиваемыми звероящерами, игуанодонами, как называл он их мысленно. Отбросив от слова «игуанодон» три буквы, Громов примерял его ко всем своим потенциальным хозяевам, окончательно утверждаясь в мнении, что оно сидит на них как влитое, на манер презерватива. Игуанодоны штопаные.

Если между этими всеядными тварями и существовали какие-то отличия, то самые незначительные. Например, старческая лысина или молодежная челочка. В остальном – по повадкам, образу жизни, по способу добывания пищи и прожорливости эти создания казались

ему совершенно одинаковыми. Вот, правда, галстуки у всех были разных расцветок, по ним Громов эту публику и различал. Но не станешь ведь служить верой и правдой галстуку, даже если он трехцветный, как государственный флаг. Придирчиво перебрав таких с полдюжины, Громов так и не подыскал себе подходящего нового хозяина, ни с челочкой, ни без таковой.

А время шло, и стало Громову совсем тошно в этом зверинце. Не находил себе он места ни среди раскормленных игуаноносов, ни в хищных стаях, выслеживавших их, ни в общем стаде законопослушных граждан. Оставалось лишь снова примкнуть к родной своре сторожевых овчарок, иначе хоть волком вой. Два месяца дожидался Громов вызова в управление, а на третий сам появился в кабинете своего непосредственного начальника с полковничьими звездами на погонах, которые носил он лишь по большим праздникам.

– Что за писульку ты мне принес? – осведомился полковник, неприязненно покосившись на улегшуюся перед ним бумагу. – Заявление об уходе небось? Додемократились, мля. Собственное желание у сотрудников появилось, надо же!

Обращался полковник к окну, а выражение лица его было таким ядовитым, что Громову невольно припомнилось, что печень вырабатывает в человеческом организме до двух литров желчи в сутки. Полковничья печень, надо полагать, решила выполнить свою суточную норму за раз.

– Это рапорт, – доложил Громов, апеллируя почему-то тоже к окну. – Прошу в кратчайшие сроки рассмотреть мое дело и восстановить меня в прежней должности.

– В кратчайшие сроки? Просишь? – Полковник прищурился. – А может быть, требуешь? Громов проглотил ком в горле и покачал головой:

– Нет, не требую. Просто прошу.

– Да тебя за твои фортели надо не в должности восстанавливать, а вышибить из органов к чертовой матери! С треском!

– Выстрелом в затылок? – Губы повиновались Громову неохотно, но он все же сумел улыбнуться, и даже не очень криво. – Тогда, если можно, из пистолета с глушителем. Неожиданно и бесшумно.

Полковник наградил шутника тяжелым взглядом и злобно оскалился, сверкнув новехонькими фарфоровыми зубами:

– Тоже мне, специалист выискался! Бесш-у-умно, – передразнил он собеседника, сразу сделавшись похожим на брюзгливого старика, каким, наверное, и являлся в свободное от работы время. – Ты уже наворотил трупов... неожиданно и бесшумно, мать твою!..

– Винтовка подвела, – сухо сказал Громов. Он уже понял, что зря явился сюда, но обратной дороги не было.

– Нервы тебя подвели, а не винтовка! – повысил голос полковник. – Неврастеник! Такую операцию сорвал! Все труды псу под хвост...

– Не совсем так, – возразил Громов упрямо. – Хан убит. Его группировка, насколько мне известно, распалась.

– Ни хрена тебе не известно! Ханские бригады под Итальянца отошли. Убрав только одного бандюгу, ты сыграл на руку второму. – Полковник в сердцах сломал ручку, которую вертел в руках, и выругался, после чего мрачно сообщил: – Поднялся Итальяшка твоими стараниями. Высоко сидит, далеко глядит. И достать его теперь труднее, чем Соловья-разбойника.

Глаза Громова сверкнули.

– Достану, если прикажете, – пообещал он мрачно.

– Нет, – отрезал полковник. – Не прикажу. Поздно спохватился, Гром Николаевич. Отпылала гроза, отгремела. Над всем Курганском безоблачное небо.

Громов не поверил своим ушам:

– Как? Его... уже?..

Полковник отбарабанил пальцами по столу несколько маршевых тактов и сообщил стенке за спиной подчиненного:

– Забудь об этом. Нет больше никакого Итальянца.

– А кто же есть? – Громов по-прежнему ничего не понимал. – Папа Римский, что ли?

– Зачем нам Папа Римский? У нас и без него есть, на кого молиться. Был Итальянец, а стал Руднев Александр Сергеевич, – ответил полковник со скучающим видом. – Завтрашний губернатор области, между прочим. Без пяти минут сенатор, и во-от такенный член Совета Федерации. – Он показал энергичным жестом, каким именно видит себе новоявленного члена Совета, после чего деловито посоветовал майору: – Ты навести его при случае, представься. Думаю, Руднев А. С. просто обязан вознаградить тебя за твой ратный подвиг. – Полковник подошел к окну и стал смотреть в него с таким интересом, как будто явился на рабочее место специально для этого. – Ну, что притих, Гром? – буркнул он, когда тишина в кабинете сделалась звенящей. – Что ты мне на это скажешь?

– Скажу: замечательная у нас отчизна! Служить такой радостно и почетно. – Голос Громова приобрел металлический тембр.

– Какая есть, такой и служим! – Полковник ощерился и лязгнул своими керамическими зубами. – Не мы ее выбрали, а она нас! – С этими словами он вернулся на место и раздраженно покрутил головой, как бы вывинчивая ее из удушающего захвата галстука. Смахнув со стола обломки ручки, он веско произнес: – В общем, так, Гром. Честно предупреждаю: дальнейшая твоя судьба мне неизвестна, не мне ее теперь решать. Есть начальство повыше, хотя, сдается мне, ничего хорошего тебя не ждет. С учетом твоих былых заслуг могу сделать для тебя только одну вещь. Рекомендовать тебя, стервеца такого, в новое подразделение при ГУ ФСБ, оттуда тебя выковыривать будет хлопотно.

– Новое подразделение? – Предложение было слишком неожиданным, чтобы Громов смог сохранить невозмутимое выражение лица. Он и не сохранил. Его брови непроизвольно поползли вверх.

– ЭР! – Это прозвучало как резкое карканье, но полковник потрудился расшифровать: – Команда экстренного реагирования... Не думаю, что это какое-то элитное подразделение. Так, сброд специалистов по разгребанию всякого высоковольтного дерьма. – Он поморщился. – Но там тебе сейчас самое место, Гром. Уедешь в Москву, пообтешешься там немного, премудростей разных нахватаешься. Глядишь, через годик-другой вернешься. Вот в это самое кресло. – Полковник похлопал по кожаному подлокотнику и ободряюще подмигнул майору. Глаза у него при этом были печальными, как у старого сенбернара, предчувствующего свою скорую кончину.

– Я предпочел бы остаться здесь, – сказал Громов, отведя взгляд. – У нас своего дерьма навалом, родного.

– Заткнись! – Яростный шепот полковника был напряженным и свистящим, словно воздух из него выходил под давлением в несколько атмосфер. – Пока что здесь решения принимаю я! На следующей неделе к нам комиссия прибывает. Догадываешься, по чью душу?

– Что же мне теперь, в погребке отсиживаться? – невесело усмехнулся Громов.

– Не отсиживаться, а продолжать служить! И не в погребке, а в столице!

– Спасибо, конечно, товарищ полковник, но вряд ли из этой затеи что-нибудь получится. Не успеют мои документы по инстанциям пройти. – Улыбка с губ Громова никуда не делась, но сделалась кривой. – И потом, – продолжал он, – после истории с Ханом мою биографию незапятнанной не назовешь. Представляю, как обогатилось мое личное дело.

– Нет! – живо возразил полковник. – Ни хрена ты не представляешь. Это надо видеть. И читать. Твои коллеги и сотрудники на славу расстарались. С такими товарищескими характеристиками тебя теперь и грузчиком в ведомственный буфет не возьмут.

Громов пожал плечами, постаравшись сделать это как можно более беззаботно:

– Вот видите. О каком переводе в Москву может быть речь? В музей ФСБ, в качестве пугала?

– Запрос из главного управления пришел в марте, еще до твоей самостоятельности, – заявил полковник ни с того ни с сего, а потом водрузил на нос очки и принялся деловито перебирать бумаги на столе. Он всегда поступал так, когда желал сообщить нечто важное или конфиденциальное. Делал это вскользь, мимоходом.

Громов насторожился:

– Разве это что-нибудь меняет?

– Очень многое, – буркнул полковник. Теперь он поочередно выдвигал ящики своего стола и озабоченно шарил в них, хотя ничего интереснее чистой бумаги, телефонных справочников и канцелярских принадлежностей там никогда не хранилось. Казалось, он совершенно забыл о присутствии Громова. Пришлось напомнить о себе вопросом:

– Что именно?

– Что именно? – задумчиво переспросил полковник, вертя в руках допотопный дырокол, которым впору гвозди забивать. – А то, что дело твое было отправлено в Москву задним числом. *До того, а не после.* Святого из тебя сделать все равно не получилось, но с тебя ведь не иконы писать собираются, верно? – Полковник спрятал дырокол в стол, зато извлек оттуда длинную низку скрепок, сцепленных между собой на манер цепочки. Перебрасывая ее с ладони на ладонь, он сказал: – В общем, сегодня утром утвердили твою кандидатуру, вольный стрелок. Так что прямиком от меня шагай в отдел кадров. На сборы сутки. Все.

Скрепки полетели в корзину для мусора. Глаза полковника поднялись, чтобы коротко взглянуть на подчиненного, и опять переметнулись к окну, за которым, как и в начале беседы, не происходило ровным счетом ничего примечательного.

– Товарищ полковник, – произнес Громов и умолк. Из всех существующих слов на ум пришли только эти два. Даже по имени-отчеству он обратиться к этому человеку не смог. Не научился за долгие годы.

– Всех товарищей давно в расход пустили, одни господа остались.

Привычная шутка, частенько звучавшая в стенах этого кабинета, впервые показалась Громову слишком мрачной, чтобы заученно улыбнуться.

– Вы... В общем, спасибо вам, – выдал он из себя натужно. Его многому научили в этих стенах. Но только не умению многословно выражать свою благодарность.

– Ступай. – Упорно продолжая глядеть в окно, полковник повелительно махнул рукой.

Громов попрощался с его неестественно прямой спиной и ушел. Полковник не посмотрел ему вслед, а он не оглянулся. Все, что они могли сделать друг для друга за время совместной службы, они сделали. Все, что считали нужным сказать, было сказано. Но даже теперь, месяцы спустя, когда этот эпизод остался в далеком прошлом, Громов никак не мог простить себе, что на прощание не сумел назвать своего начальника Георгием Леонидовичем. Ведь, как оказалось, он не только полковником ФСБ был, но еще и очень даже неплохим мужиком. Не так уж часто эти два понятия совмещаются воедино.

* * *

Воспоминания во многом схожи с просмотром видеокассеты. Некоторые эпизоды рассматриваешь в замедленном режиме, другие – спешишь перемотать, как будто их и не было совсем. Если бы еще память можно было включать и выключать по своему усмотрению, ей бы цены не было, думал Громов, неспешно продвигаясь к регистрационной стойке.

Он вылетал в Адлер самолетом компании «Внуковские авиалинии» ровно в 14.15. Естественно, с билетами проблем не возникло. В случае необходимости полномочий Громову хватило бы на то, чтобы занять место любого пассажира. Он вообще мог бы совершить одиночное

путешествие, взбреди ему в голову такая блажь. Начальству было безразлично, какой ценой он доберется до Сочи или в любую другую точку земного шара. Лишь бы Сурин был выслежен и изловлен до того, как умыкнутый им кредитный транш затеряется в лабиринтах мировой банковской системы.

Один миллиард двести миллионов долларов. Не такая уж внушительная сумма, если поделить ее между всеми россиянами. Что-то около 8 долларов на каждого. Но если эти деньги сосредоточить в каком-нибудь одном месте, то получится внушительная гора. Конечно, не железнодорожный вагон, упомянутый генералом ФСБ, но все равно не меньше десяти тонн резаной бумаги. Громов с трудом представлял себе такую кучу денег. Неужели этот мираж реальнее и весомее всего того, что есть вокруг?

Достав из кармана бумажник, Громов перелистнул выданные ему деньги и полюбовался портретом президента Франклина на одной из стодолларовых купюр. Какой-то плешистый американец с бабской физиономией, а надо же, какую всемирную популярность заимел! Впору его серо-зеленый лик в церквях выставлять среди икон. От желающих помолиться отбоя не будет.

– Ваш билет! – девица в синем кительке, сидевшая за стойкой, смотрела на замешкавшегося Громова с плохо скрываемой неприязнью. Она могла бы выглядеть значительно привлекательней, если бы научилась улыбаться. Ее более талантливые сверстницы, в совершенстве овладевшие мимикой, работали на международных направлениях, и от зависти к ним у девицы испортился цвет лица и характер. – Если вы не собираетесь регистрироваться на рейс, гражданин, – процедила она, – то отойдите, пожалуйста, в сторону и не мешайте мне работать.

– Я собираюсь регистрироваться, – успокоил ее Громов, протягивая билет.

– Паспорт!

– Прошу.

Покончив с нехитрой процедурой, Громов прислонился к приятно охлаждающей плечо колонне и принялся разглядывать публику, заполнявшую здание аэровокзала.

Люди под его высокими сводами казались маленькими, а голоса у них были плоскими и невыразительными в сравнении с тем, который время от времени раздавался откуда-то из-под потолка. Этот хорошо поставленный женский голос с чувственными интонациями легко перекрывал и гомон толпы, и низкий гул самолетов. Мелодичный перезвон, сопровождающий объявления, создавал в зале волнующую, почти праздничную атмосферу.

Слушая краем уха информацию, чтобы не прозевать приглашение на посадку, Громов от нечего делать наблюдал за пассажирами, с которыми ему предстояло совершить путешествие на Черноморское побережье. Отходя от регистрационной стойки, большинство из них инстинктивно собирались вместе, держась в зале обособленной стайкой. Пестро одетые бледноватые мужчины и женщины уже предвкушали отдых под южным солнцем и вели себя намного развязнее тех заурядных граждан, которые собирались в какую-нибудь Хулхуту или Елабугу, если только туда летали самолеты. На некоторое время их объединила общая цель, и они поглядывали на окружающих с чувством несомненного превосходства.

Внимание Громова привлек эффектный седовласый плейбой в голубых штанах. Черные очки, как у американского шерифа из боевика, золотой медальон, поблескивающий среди буйной растительности на груди, идеально выбритый раздвоенный подбородок, задранный поверх остальных голов, – такого трудно было не заметить. Называется: не проходите мимо. Все присутствующие женщины поглядывали на красавца с нескрываемым интересом, а он, ловя на себе их взгляды, безмятежно посасывал из банки колу с ромом и дымил посреди зала коричневой сигаретой, показывая всем своим видом, что все правила и запреты писаны не для него.

Помимо Громова, за плейбоем украдкой наблюдал неухоженный мужичонка в стоптанных башмаках на босу ногу, который находился в аэропорту явно не для того, чтобы куда-то лететь. Он уже приехал, раз и навсегда. Приплыл. Плейбой в голубых штанах, случайно наткнувшись взглядом на мужичонку, скривил физиономию, словно ему на глаза попалась

отвратительная куча мусора. Он полагал, что уж с ним-то никогда не сможет произойти подобная метаморфоза.

Эти двое, будучи ровесниками, представляли собой разительный контраст. Породистый пес-медалист и жалкий бродячий бобик. Воплощение высокомерного достоинства одного и заискивающие повадки второго. Трудно было поверить, что когда-то оба носили на шее совершенно идентичные пионерские галстуки с изжеванными кончиками, учились играть на обшарпанных гитарах одинаковые аккорды, смотрели одни и те же фильмы. Теперь их разделяла невидимая пропасть, на дне которой покоились останки рухнувшей империи.

Как и предвидел Громов, дымящийся сигаретный окуроч, выщелкнутый из пальцев плейбоя, приземлился не в ближайшую урну, а рядом с ней, на серый мраморный пол. Мужичонка ринулся к добыче, наклонился, протянул руку. В этот момент плейбой шагнул вперед и проворно наступил на его растопыренную пятерню.

– Оп! – воскликнул он с ликованием в голосе. При этом его черные очки засияли, словно внутри их были вмонтированы специальные лампочки.

– Больно ведь, – выдавил из себя бродяга, задрав косматую голову. Подбородок у него был стесан, как у питекантропа, а выдающийся вперед кадык не придавал его облику дополнительного мужества.

– А ты не зарься на чужое, – наставительно сказал плейбой, всей тяжестью налегая на ту ногу, под которой слабо шевелились чужие пальцы.

– Ты же выбросил свой чинарик, – пропыхтел бродяга. – Зачем изгаляешься над старым человеком? Я в отцы тебе...

– Ты? – возмутился его мучитель. – Мне? В отцы?

При каждом вопросе он прямо-таки подпрыгивал на многострадальной пятерне. Когда бродяге удалось наконец высвободиться, он предусмотрительно отпрянул подальше и, поглаживая больную руку здоровой, с надрывом закричал:

– Я не виноват, что все так обернулось! Не по своей воле я на помойке очутился, столкнули меня! – Из-за беспрестанного подергивания кадыка, который ходил ходуном на тощей шее бродяги, казалось, что он силится проглотить острую кость, ставшую ему поперек глотки. – Такие, как ты, – голосил он, – и растоптали меня, красивые да сытые! Что устался, сволочь? Думаешь, ты на всю жизнь застраховался? Так от тюрьмы и сумы не зарекайся! Глядишь, и поменяемся местами однажды!

Плейбой что-то презрительно ответил, будто сплюнул, но его голос заглушило приглашение на посадку в самолет, следующий маршрутом Москва – Адлер. Громов, опережая остальных пассажиров, широко зашагал к входу в седьмой сектор. У него не было ни малейшего желания досматривать, чем закончится сцена. На душе и без того было гадко. Не то чтобы ему так уж нравились убогие собиратели бычков и бутылок, шныряющие вокруг. Но выходка плейбоя понравилась ему еще меньше.

В помещении для досмотра он оказался самым первым. Вместо того чтобы поставить сумку на черную ленту транспортера, убегающую в недра аппарата для просвечивания багажа, а самому пройти сквозь раму металлоискателя, Громов приблизился к столу старшего инспектора по авиационной безопасности и мимоходом продемонстрировал ему книжицу удостоверения. Точно яркий мотылек крылышками взмахнул и тут же исчез, как будто его и не было.

– Понял, понял, – закивал инспектор своей кудрявой головой, на которой чудом удерживалась форменная фуражка. – Проходите, пожалуйста.

Он старательно не смотрел ни на Громова, ни на его сумку, но тот продолжал стоять напротив, требуя к себе внимания.

– Слушаю вас. – Глаза инспектора, отчаянно кося, вскинулись вверх.

Должно быть, ему уже приходилось иметь дело с КГБ, и впечатления об этой поре были свежи в его памяти. Инспектор очень смахивал на бывшего осведомителя, который до 1991 года подписывал свои доносы каким-нибудь звучным псевдонимом.

«Юстас – Центру. Довожу до вашего сведения, что выданная мне денежная сумма истрачена на вхождение в доверие к интересующему вас объекту. Сатурн почти не виден. Прошу выдать дополнительную сумму».

Таким Юстасам, бывало, выдавали. По первое число. О своих собственных пакостных делишках они забывали легко, а вот «контору», которой когда-то добровольно вызвались служить верой и правдой, боялись и ненавидели до потери пульса.

– Слушаю вас, – повторил инспектор. На протяжении этой коротенькой фразы ему пришлось дважды прочистить пересохшее горло. Тем не менее продолжение все равно получилось силным: – Я могу быть вам чем-то полезен?

Громов уставился ему в переносицу и многозначительно подтвердил:

– Можете. Не мне лично, а государству в целом. Понимаете?

– Да, конечно.

Инспектор кивнул столь энергично, что фуражка все-таки слетела с его головы, и ее пришлось ловить у самого пола. Когда он вновь выпрямился, светлые глаза Громова, склонившегося над столом, оказались в каких-нибудь тридцати сантиметрах от его собственных.

– Досмотр уже начался? – спросил Громов вполголоса.

– Начался, – ответил инспектор, весь скособочившись, чтобы лучше видеть происходящее за спиной собеседника. С этого момента он вообще на некоторое время перешел на шепот – свистящий, тревожный.

Громов сузил глаза:

– Наблюдается ли среди пассажиров высокий седой мужчина 40–45 лет?

– Сразу несколько таких. И еще один с проседью, среднего роста.

– Тот, о котором идет речь, носит солнцезащитные очки и расстегнутую на груди рубашку с цветными разводами.

– Точно, есть такой, – подтвердил инспектор после нескольких секунд напряженного созерцания пассажиров. – Но очки он снял, потому что в помещении темновато.

Оглянувшись через плечо, Громов мельком полюбовался красавцем в голубых штанах и вновь обратился к изнывающему от неизвестности инспектору:

– По имеющимся у нас сведениям, этот тип пытается вывезти крупнейший в мире алмаз «Куллинан» весом 3016 карат. Доводилось о таком слышать?

– Да, – твердо заявил кудрявый инспектор. – То есть нет. Вы сказали: кули... кури..?

– Не важно, – оборвал Громов этот лепет. – Главное, не допустить вывоз алмаза. У вас имеется какой-нибудь щуп?

– Щуп? – Озадаченному инспектору пришлось придержать фуражку на голове. – Какой щуп?

– Ну, что-то вроде шомпола. – Громов жестом показал, как он орудует воображаемым шомполом, и вопросительно взглянул на собеседника. – Понятно, о чем идет речь? Такой длинный стержень с щеточкой на конце.

Инспектор аккуратно снял фуражку, уложил ее на стол – от греха подальше – и помотал головой:

– Нет. Ничего подобного у нас не имеется. А зачем нам стержень с щеточкой? В смысле, шомпол.

Громов досадливо поморщился:

– Ну как же! Алмаз спрятан у этого типа в заднем проходе. И придется хорошенько там пошуровать, чтобы найти достояние республики.

– А! – Сообразив, о чем идет речь, кудрявый блюститель авиационной безопасности воспрянул духом. – Так на этот случай у прапорщика Шелудько резиновые перчатки имеются.

– Вот и воспользуйтесь ими, лично... – бросив взгляд на табличку на столе, Громов добавил: – Старший инспектор АБ Голбан П. С. Надеюсь на ваше усердие. Мы ведь давно к вам присматриваемся.

– Да? – кисло осведомился инспектор. Лицо у него приобрело некрасивый землистый оттенок.

– Да, – заверил его Громов. – Вот и поглядим сегодня, как вы исполняете свой долг.

– Но в мои функции...

– Ваши функции нам известны. И многое другое. – Громов многозначительно выгнул бровь. – Так что действуйте, Голбан П. С. Кстати, клиент уже на подходе.

– А если никакого алмаза *там*, – инспектор деликатно кашлянул, – не обнаружится?

– Отсутствие результата – тоже результат, – успокоил его Громов. – Ясно?

– Нет. То есть да.

– Вот и прекрасно. Желаю удачи.

С этим напутствием Громов отправился на солнцепек и с удовольствием выкурил там три сигареты подряд. Когда плейбой наконец вывалился из здания аэропорта наружу, где его поджидал автобус с пассажирами, выглядел он растрепанным и ужасно злым. Что и требовалось доказать.

Всю дорогу к самолету Громов боролся с желанием подмигнуть плейбою и показать ему отставленный средний палец, но это было бы уже чересчур. Потеха закончилась. Пора было браться за дело.

* * *

Самолет, благополучно оторвавшийся от взлетной полосы и набравший высоту, плыл над сплошным облачным покрывалом, сверкающим на солнце так, что на него было больно смотреть глазам. Иногда в прорехах, похожих на полыни, мелькала темная поверхность земли, но была она столь далекой, что казалась ненастоящей. Замкнутое пространство самолетного салона превратилось для пассажиров в единственный осязаемый мирок – довольно комфортный, хотя и не слишком надежный.

Громову досталось место возле иллюминатора, и он был рад этому. Когда сидишь между двумя соседями, отвернуться сразу от обоих невозможно, как ни вертись. Громову же было достаточно уткнуться в круглое окошко, чтобы не видеть никого вокруг. Так он теперь и поступил, поглядывая на крыло самолета, оказавшееся перед его глазами, и обдумывая свои ближайшие шаги по прибытии в Сочи.

Московский генерал дал ему правильную ориентировку – единственно возможную в сложившейся ситуации. Итак, город Сочи, где темные ночи и светлые дни. Или беглый Сурин отыщется там, или уже вообще нигде. Нигде и никогда.

Насколько Громов успел уяснить из дела, которое бегло перелистал в управлении, за минувшие две недели в курортном городе пропали без вести только трое мужчин. Кого из них утопили, чтобы подбросить ему телефонные квитанции и выдать за беглого Сурина? По возрасту и сложению подходил только один человек. Некто Болосов, постоялец гостиницы «Бриз», завсегдатай тамошнего казино, где он проводил времени больше, чем на пляже. Возможно, с обстоятельств его исчезновения и следовало начинать поиски. Остановиться в той же гостинице, опросить тамошних работников, сотрудников казино. Ничто на земле не проходит бесследно, как пелось в одной хорошей старой песне. Пока человек не умер, он живет, а значит, всегда имеются вольные или невольные свидетели его поступков. Найдя тех, кто похитил и

утопил Болосова, чтобы выдать его за Сурина, можно будет вытянуть из преступников какую-нибудь ценную информацию.

Громов понимал, что без содействия краснодарских УВД и ФСБ ничего не успеет сделать в те сжатые сроки, которые ему отмерены. Телефонные звонки из Москвы в оба управления уже были сделаны, соответствующие письма имелись в наличии. Несмотря на это, рассчитывать все равно приходилось в первую очередь только на самого себя. О полноценном сотрудничестве с местными силовыми структурами не могло быть и речи. Конспирация, батенька, и еще раз конспирация. В целях сохранения секретности Громову придется темнить, так что толку от такого взаимодействия получится не очень много. Что ж, лишь бы вреда не было.

Подытожив свои размышления, Громов постарался мысленно воссоздать облик Аркадия Викторовича Сурина, подкинувшего государству столько проблем. На память о себе компьютерный гений оставил только три фотографии, если не считать детские снимки из семейного альбома родителей: Аркаша на горшке, на велосипеде и так далее, вплоть до появления на выпускном вечере, где он едва проглядывал за плечами своих рослых сверстников. Вид у него был не слишком радостный. Вряд ли у такого коротышки имелась пара, чтобы покружиться в последнем школьном вальсе.

На тех фото, что хранились в паспортном столе и в отделе кадров Центробанка, повзрослевший Сурин был официален и пучеглаз – типичный столичный клерк среднего пошиба. Но в квартире у его исчезнувшей любовницы обнаружился снимок, сделанный в более непринужденной обстановке: Аркадий с Любой Бородиной в каком-то шикарном ресторане за ломящимся от экзотических яств столом. Фотовспышка оставила в глазах пары красные огоньки, придав обоим вид алчный и даже кровожадный.

Тогда, разглядывая это изображение, Громов на минуту прикрыл глаза, и оно навсегда отпечаталось в его мозгу. Теперь он узнал бы Сурина среди тысяч людей, даже если бы тот вздумал перекраситься в блондина или нацепить фальшивые усы. Но что это был за человек? Какие у него были манеры, вкусы, привычки? Знание подобных мелочей порой здорово облегчает поиски.

Громов бегло изучил его досье, пытаясь обнаружить там хоть какую-нибудь зацепку. Однако никакой полезной информации из папки выудить не удалось. Не того полета птицей был Сурин, чтобы за ним когда-нибудь велась обстоятельная профессиональная слежка. Родился... учился... работал... Эти сухие факты мало о чем говорили, а других не было. Поэтому Громов с особым вниманием изучил протокол обыска суринской квартиры, надеясь понять, чем жил и дышал этот человек.

И здесь его тоже ожидало разочарование. Вероятно, парень заранее готовился к побегу и позаботился о том, чтобы хорошенько замести следы. Он уничтожил бумаги, записные книжки, личные фотографии, стер всю информацию с двух компьютеров, стоявших у него дома. Лишь одна странность промелькнула в протоколе обыска, и теперь она не давала Громову покоя, занозой сидела в мозгу.

Стены квартиры Сурина были увешаны плакатами с изображением голливудского киноактера Тома Круза. Вся видеотека оказалась составленной из фильмов с его же участием. Плюс масса иллюстрированных киножурналов. Опергруппа их ворошить не стала, но Громов не сомневался, что и в каждом журнале обязательно отыщется портрет кинозвезды с ослепительной улыбкой, над которой на славу потрудился не один дантист.

Итак, Том Круз. Задумчиво хмыкнув, Громов извлек из сумки «Экспресс-газету», в которой, как заверила его продавщица из киоска, имелась статья о голливудском красавчике, к которому Сурин питал несомненный интерес. Статья называлась «ЗАСЛУЖЕННЫЙ ТРЕНЕР ПО ПОЦЕЛУЯМ». Подзаголовок гласил: «КОКТЕЙЛЬ, ЗАМЕШАННЫЙ НА СЕКСЕ И ДЕНЬГАХ». А первый абзац начинался с откровения героя:

«В юности я питался рисом и хот-догами, как зверь в джунглях».

Читать дальше эту белиберду сразу расхотелось. В воображении возник не грозный хищник, с которым хотел сравнить себя Том Круз, а какой-нибудь заурядный мопс или даже домашний хомячок. И все же для порядка Громов пробежался взглядом по остальному тексту.

Перечень кассовых фильмов, список любовных побед, обвинения в гомосексуализме и яростные опровержения, проиллюстрированные фотографиями, на которых Том Круз скалит зубы в компании то одной красотки, то другой.

Самым примечательным в биографии знаменитости был... его маленький рост. Доходило до того, что обаятельный малый предпочитал сниматься в обществе более рослых партнерш сидя или вообще лежа. А когда по сценарию все же приходилось вставать, то он пользовался специальной подставочкой, которая, естественно, не попадала в кадр. Для сцен же, в которых несравненному Тому Крузу предстояло пройти с кем-нибудь рядом, на съемочной площадке сооружалась длинная узкая платформа. Актер нормального роста шагал по земле, а Круз семенял по помосту, и выглядело это так, словно оба идут плечом к плечу.

Спрятав газету, Громов подумал, что надо будет обязательно посмотреть какой-нибудь фильм с Томом Крузом, чтобы понаблюдать за его отчаянными потугами сохранить имидж полноценного героя-любownika. При росте 156 сантиметров это делать непросто. Кстати, Аркадий Сурин был всего на полсантиметра выше своего кумира. Плюс очень и очень отдаленное сходство с Томом Крузом. Почему-то это обстоятельство показалось Громову чрезвычайно важным. Ведь тридцатилетний Сурин находился не в том возрасте, чтобы фанатеть от придуманного идеала. В чем же тогда дело? Главное, конечно, одинаковые габариты Аркадия и Тома. Это во-первых. А во-вторых...

Дальше ничего путного в голову не приходило. Тем более что соседи Громова не закрывали рта ни на минуту, мешая ему сосредоточиться. Сплошное бу-бу-бу, перемежаемое бульканьем спиртного. Так коротали время полета двое приятелей, которых Громов не захотел разглядывать при их появлении и не имел ни малейшего желания видеть теперь. Не обращая внимания на окружающих, они пьяно обсуждали какие-то свои мутные коммерческие делишки. Вроде бы их недавно намеревался кинуть некто по фамилии Кукин, но они, не будь лохами, сами кинули Кукина, а заодно подставили его фирму налоговикам и теперь праздновали свою победу. Коммерсанты полагали, что они на славу потрудились и заслужили красивый отдых. Праздник как начался в аэропорту, так и продолжался до сих пор. Речь приятелей становилась все менее связной, а вокруг них сгустился запах перегара. Такая уж аура у них была, никуда от нее не деться.

Сузив ноздри, Громов принялся считать заклепки на серебристом крыле самолета. Это помогало сохранять спокойствие, но не очень. Чем сильнее пьянели коммерсанты, тем чаще Громов поглядывал на часы, мечтая поскорее приземлиться и остаться в одиночестве.

Примерно за сорок минут до посадки один из соседей благополучно отключился. Не успел Громов порадоваться тому, что бубнеж наконец прекратился, как ему пришлось пожалеть об этом. Бодрствующий коммерсант очень скоро заскучал и пожелал найти себе нового собеседника.

– Э, мужик, – окликнул он Громова и тронул его за плечо, – что ты как не родной? Присоединяйся. Отметим знакомство, биомать.

Громов неохотно обернулся. На первом плане обнаружилась четырехгранная бутылка виски с белой лошадкой на чуточку расплывчатой этикетке. Бутылку держала громадная лапища с расстегнутым браслетом часов, свободно болтающимся на волосатом запястье. Фоном для этого нехитрого натюрморта служила щекастая физиономия, настолько пористая, что казалась изрядно попорченной мелкой дробью.

– Глотни, – предложила физиономия.

– Благодарю, – сухо сказал Громов. – Я не хочу пить.

– Так отдыхать же летим, биомать! – изумился пористый сосед. Иллюстрируя сказанное, он хлебнул прямо из бутылки, а потом опять сунул ее под нос Громову. – На, причастись. А то мрачный весь из себя, как будто на похороны летишь.

– А если и вправду на похороны?

– Тогда помянуть нужно покойничка по православному обычаю.

– Вот ты и помяни, – предложил Громов.

– Кого? – удивился коммерсант.

– А кого хочешь. Хотя бы дружка своего.

– Так он же живой!

– Вусмерть пьяный человек живым быть никак не может, – резонно возразил Громов, поворачиваясь к соседу спиной.

На этот раз тот не просто тронул Громова за плечо, а сжал его пальцами и хорошенько встряхнул:

– Слышь, мужик, ты не особо тут борзей. Я же с тобой по-хорошему, биомать. «Вхите хорсе» тебе предлагаю, от чистого сердца. А ты морду воротишь. На неприятности нарываешься?

Отвязаться от навязчивого попутчика имелось несколько способов, и Громов выбрал не самый жесткий, но зато наиболее оптимальный. Обернувшись, он поинтересовался:

– Послушай, тебя как зовут, дорогой товарищ?

– Вадик, – легко сознался сосед. И, недолго думая, добавил свою любимую присказку про биомать.

Громов приветливо улыбнулся:

– Приятных снов, Вадик Биомать.

Его большой палец коротко ткнул соседа под нижнюю челюсть, безошибочно найдя там нужную болевую точку. Грузное тело обмякло в кресле. Бутылка с подозрительной этикеткой упала на пол, проливая остатки не менее подозрительного напитка. В результате алкогольный запах над рядом кресел значительно усилился, так что вентиляторам предстояло немало потрудиться, чтобы выветрить его окончательно. Но зато полное беспамятство на ближайшие полчаса настырному Вадике было гарантировано. И разве не ради этого приятного состояния накачивался он всю дорогу?

С удовлетворением полюбовавшись уgomонившимися попутчиками, которые по-братски уткнулись друг в друга носами, Громов опять уставился в иллюминатор и обнаружил, что знакомое выпуклое крыло окутано белесым туманом. Самолет начал снижение. Вскоре эту догадку подтвердило объявление, сделанное на двух языках. Голос стюардессы звучал из динамиков так интимно, словно в моменте посадки она находила что-то эротическое, а в предложении пристегнуть ремни заключался особый намек. В конце салона засветились табло, запрещающие курить, как будто до этих пор пассажиры самолета дымили напропалую.

Все это означало, что до приземления осталось минут пятнадцать-двадцать. Самолет уже провалился сквозь толщу облаков и, накренившись, разворачивался над морем. Когда он попал в воздушные ямы, впереди испуганно ойкал женский или детский голос. Звучал он как сквозь вату. Уши у Громова заложило, и приходилось время от времени делать глотательные движения, чтобы избавиться от неприятного ощущения частичной глухоты.

По пронсящимся внизу ниточкам дорог ползли разноцветные букашки автомобилей. Домики внизу постепенно разрастались до размеров спичечных коробков. По ним стремительно скользила тень самолета, и ощущение высоты сделалось значительно более острым, чем когда полет проходил над облаками.

Через несколько минут шасси самолета коснулись бетонных плит адлерского аэродрома. Громов как следует потер уши соседа и, когда тот открыл абсолютно бессмысленные глаза, сообщил:

– Вот мы и на месте, Вадик Биомать.

– А?

– Отдыхать подано. – Громов кивком головы предложил Вадика полюбоваться земным пейзажем за квадратным окошком.

Тот толкнул локтем приятеля и принялся мять пальцами свое горло, сердито косясь на Громова. Никакой радости по поводу прибытия в курортный рай он не проявлял. Впрочем, и сам Громов не ждал ничего хорошего от этой поездки.

Спускаясь по трапу, он пожалел, что не внял совету генерала приобрести темные очки. Без них окружающий мир выглядел слишком уж беспечным. Не таким, каким он был на самом деле.

Глава 4

Мал золотник, да дорог

Аркадий Сурин прибыл в Сочи тем же рейсом и даже тем самым самолетом, который доставил сюда Громова, отправившегося на его поиски. Но это произошло значительно раньше. И черные очки у Сурина, в отличие от Громова, на лице наличествовали – по виду совершенно непроницаемые – такие носят слепые. Ему казалось, что чем хуже он видит окружающих, тем меньше они в свою очередь уделяют внимания ему самому. Иллюзия, конечно, но у кого их нет? И кто в детстве не зажимивал глаза, когда становилось страшно?

А страх и тревога терзали Сурина беспрестанно. В тот момент, когда он летел над Черным морем, терзая газету, в которой не мог разобрать ни строчки, все задуманное им уже должно было свершиться. От него уже ничего не зависело, зато он сам всецело зависел от обстоятельств. Обратного пути не было ни в случае успеха, ни в случае неудачи. И вообще, гражданина Сурина Аркадия Викторовича, 30 лет от роду, больше в природе не существовало. Его прошлое было уничтожено, все прежние связи оборваны раз и навсегда, двухкомнатная квартира и автомобиль брошены на произвол судьбы. Маленький кораблик отправился в свое большое плавание. Что ожидало его впереди? Несмотря на одуряющую жару, при мысли об этом Сурин невольно ежился, словно физически ощущал себя обдуваемым всеми семью ветрами.

Он перевел дух только через пять часов после того, как благополучно приземлился в Сочи. Это произошло в душной однокомнатной квартире на улице с призрачным названием имени 50-летия СССР. Проживание здесь было оплачено Суриным на месяц вперед. Он вовсе не собирался торчать здесь так долго, но полагал, что уплаченные им деньги избавят от излишнего любопытства хозяев. Так оно и вышло. Они не стали настаивать на том, чтобы постоялец зарегистрировался в милиции. Приняли у приличного молодого человека двести баксов, проинструктировали его, как пользоваться допотопной газовой колонкой, показали, где хранится сыроватое постельное белье, и оставили его одного.

А вскоре после этого он сидел за чужим кухонным столом, смотрел на трубку нелегально приобретенного сотового телефона, которая только что сообщила ему ошеломляющую новость, и растерянно улыбался. По виду дурак дураком. На самом деле – умница из умниц, богач из богачей, настоящий «о, счастливчик» в квадрате.

Сурин готовился к похищению кредитного транша для Центробанка долго и тщательно. В течение полутора лет он чуть ли не с головой уходил в мониторы компьютеров, оказавшихся в его ведении. Ему пришлось изучить также банковскую систему, и к началу операции Сурин разбирался в финансовых махинациях не хуже всех Геращенко и Дубининых, вместе взятых. Кроме того, он не просто досконально освоил около тридцати сложнейших компьютерных программ, но и создал свою собственную, которую, конечно, теперь не запатентуешь. И, главное, в конечном итоге вся эта многоходовая комбинация, просчитанная и выверенная до секундошки, до последнего байтика, сработала!

Сурин убедился в этом после звонка в Лимасол, где служащие банков проходят обязательные курсы русского языка. В принципе он неплохо умел изъясняться и по-английски, но боялся, что от волнения позабудет все нужные слова и не сумеет выдать из себя ничего, кроме жалкого «хау ду ю ду». Кроме того, разница во времени с Кипром была не столь ощутимой, как, скажем, с Нью-Йорком или Боготой. Вот почему Сурин остановил выбор на «Попьюлэр бэнк». Тут он действовал наверняка. И все равно его рубаха промокла насквозь уже на первой минуте разговора с оператором банка. А на второй он рванул ее ворот так порывисто,

что три или четыре пуговицы, вырванные с «мясом», разлетелись во все стороны и запрыгали по кухонному полу, как отрикошетившие от стен пластмассовые пули.

Все получилось! На безымянном счете далекого кипрского банка осели 70 587 037 долларов 34 цента, которых там прежде не было. Обзванивать остальные банки Сурин сразу даже не стал. Победа и без того была очевидной. Он, который был обречен всю жизнь обеспечивать беспрепятственное прохождение запредельных и попросту потусторонних астрономических сумм, принадлежащих совсем другим людям, в одночасье сам сделался миллиардером. Потому что «Попьюлэр бэнк» был только первой ласточкой. Таких, выбранных Суриным в разных странах, было еще шестнадцать. И в каждом банке, в зависимости от процентной ставки за обслуживание счета, Сурина ожидал сюрприз в виде семидесяти с половиной миллионов долларов!

В убогой сочинской кухоньке настырно гудела изумрудная навозная муха, капала вода из протекающего крана, за окном хрипло голосил мужской голос: «Молоко-о-о!.. Свежие бу-у-улочки!.. Молоко-о-о!..» Если бы операция провалилась, то под эти заунывные причитания Сурин, наверное, и удавился бы с горя. А теперь даже жужжание мухи казалось ему сладчайшей музыкой.

Ж-жизнь продолж-жаётся! Надейся и ж-жди!! Сурин поцеловал телефонную трубку, принесшую ему радостную весть, и пустился в пляс, задевая то обшарпанный холодильник «Норд», то дребезжащий стеклом буфет. Он задыхался от избытка чувств. Он до последнего мгновения сомневался в том, что его грандиозная афера выгорит. И теперь торжество распи-рало его грудную клетку, как гелий переполняет воздушный шарик. Его ноги перетаптывались по грязному линолеуму тесной кухни, но сам он чувствовал себя на седьмом небе.

Перед самым сбоем в компьютерной сети Центробанка 1 200 000 000 долларов рассеялись так называемым «веером» по 17 банковским счетам, открытым Суриным во всех концах света. Если бы Интерпол и откопал какие-то из них, то все равно оставшегося должно было хватить Сурину до конца его дней, даже если он воскреснет раз сто, прежде чем умереть окончательно.

Сервер, выполнивший задачу, покончил жизнь самоубийством: отформатировал все жесткие диски подключенных к нему компьютеров и запустил в собственное электронное нутро не менее дюжины вирусов, сожравшие гигабайты его памяти в считанные минуты. Номера банковских телефонов, а также пароли, или коды счетов, на которых хранились теперь его деньги, Сурин новому компьютеру не доверил. Отныне ему предстояло полагаться только на себя самого, и это было самое разумное решение. После того, как он пошуровал в недрах чужой компьютерной сети, ему вовсе не хотелось убедиться в том, что не он один такой предприимчивый и сообразительный.

Тот памятный день, когда маленький Сурин торжествовал свою грандиозную победу, пролетел незаметно, зато ночь показалась ему бесконечной. Следующие сутки он посвятил переговорам с банками. А затем наступило воскресенье – единственный день, когда в Сочи функционировал небольшой авторынок. Для завершающего штриха Сурину была необходима какая-нибудь кислота – соляная или серная, без разницы. Расхаживать по магазинам и аптекам он не решился, полагая, что поиски могут оказаться или безрезультатными, или слишком уж длительными. Его ведь, несомненно, уже искали по всей стране, а провалить дело на завершающем этапе было бы верхом безрассудства.

Поход на авторынок оказался удачным. В какой-то момент Сурин почувствовал на себе внимательные взгляды нескольких парней совершенно бандитской наружности, но пол-литровая бутылка серной кислоты уже переключалась в его пакет и он, не теряя времени, поспешил затеряться в толпе, что было не так уж сложно при его невзрачном росте.

Попетляв по улицам и не обнаружив за собой слежки, Сурин с покупками ввалился в свою квартиру и поздравил свое зеркальное отражение в прихожей с очередным успехом.

После этого он повесил трюмо изъеденным молью пледом, а зеркало в ванной комнате снял и поставил на пол, развернув к стене. Сурин понятия не имел, что так поступают лишь в тех случаях, когда в доме появляется покойник. Плевать ему было на всякие суеверия. Он ведь жил и помирать не собирался. Просто любоваться собой в зеркале до того, как все будет кончено, Сурин уже не имел ни малейшего желания. Тот человек, которого он увидел бы в отражении, не имел ничего общего с тем, кем собирался он стать в самом скором будущем. Гудбай, Аркаша Сурин, аутфидерзейн и о ревуар. *Nasta la vista, baby!*

Уже на ощупь он тщательно обработал свое лицо ароматным французским депилятором, чтобы на ближайшее время не возникало проблем с бритьем. С удовольствием оглаживая непривычно шелковистый подбородок, Сурин угрюмо посмотрел на бутылку серной кислоты и отправился на кухню. Ему осталось хорошенько перекусить, выпить для храбрости и применить кислоту по назначению.

Все эти планы Сурин осуществил, да так исправно, что провалился в бесчувственном состоянии до следующего утра. Опустив руку с дивана, он нашарил ею сначала пустую бутылку из-под водки, затем – опять же пустую винную посудину и наконец завладел телефонной трубкой.

Пальцы набрали нужный номер с третьей попытки. К этому времени Сурин успел кое-как смочить глотку остатками фанты, и голос его был умеренно сильным, не более того. Этим подсевшим до хрипотцы голосом, которым раньше Сурин разговаривал лишь во время сильнейшей простуды, он пригласил к телефону Леонида Максимовича Переяславского, представился и попросил прислать за ним машину, что входило в стоимость заранее оплаченных услуг.

То, что выглядит он не самым лучшим образом, Сурин догадывался и без зеркала. Но когда водитель присланной машины поперхнулся при виде его йогуртом, он окончательно понял, что его замысел вновь увенчался успехом.

По дороге в Мацесту лишь дичайшее похмелье мешало Сурину чувствовать себя на вершине блаженства.

* * *

У медсестры Наташи, как и у каждой женщины, имелись свои плюсы и минусы. К ее отрицательным качествам низкорослый Сурин относил ее чересчур внушительную, по его мнению, комплекцию. Зато Наташа ничего не носила под своим белым халатом. Возможность убедиться в этом предоставилась в первый же вечер их знакомства.

За окном было темно, накрапывал скучный дождь. Сурин лежал на кровати, теребя в пальцах стодолларовую купюру. Наташа смотрела на него сверху вниз, склоня голову к плечу, и размышляла, как ответить на заданный ей вопрос.

А сказано было буквально следующее.

– Я понимаю, что в данный момент далеко не красавец, – тоскливо произнес Сурин, когда Наташа оставила на тумбочке поднос с ужином и собралась выходить. – Но именно здесь и именно сейчас мне так одиноко, что... – Он сделал вид, что у него перехватило горло, а сам во время паузы осторожно потрогал языком новенькие пломбы на верхних зубах, которые все еще мешали ему. – Если бы ты, Наташенька, согласилась провести этот вечер со мной, то... – Сурин снова не договорил до конца фразу, продемонстрировав вместо этого заранее заготовленную сотню. – Как тебе мое предложение, Наташенька? Надеюсь, ты не слишком шокирована?

– Шокирована-то я, шокирована, – призналась она после минутного раздумья. – Но с деньгами дома сейчас как раз напряженка, так что...

Тут бы выложить лихим жестом еще одну сотенную, чтобы разом рассеять все колебания симпатичной медсестрички, да только Сурин спешить не стал. Он и ста долларов за Наташину любовь не заплатил бы, если бы у него имелись купюры помельче. Поэтому, продолжая шур-

шать зеленой бумажкой, Сурин молча ждал. Наживка закинута. Рыбка видит ее, задумчиво шевелит губами. Зачем суесться понапрасну?

– Нет, – неожиданно сказала Наташа и медленно качнула головой из стороны в сторону. – Придется вам поскучать в одиночестве.

– Это? – он ткнул себя пальцем в лицо.

Она опять отрицательно покачала головой:

– Нет, не в этом дело.

– Тогда в чем? – раздраженно спросил Сурин. А кому приятно, когда ты не можешь купить за свои кровные денежки то, чем уже мысленно завладел и попользовался? Обидно ведь? Еще как обидно!

– Ну... – Наташа замялась.

– Смелее, – нервозно подбодрил ее Сурин, уже догадываясь, что он сейчас услышит, и заранее сатанея от злобы на всех людей, которых природа наградила ростом выше 156,7 сантиметра. В данный момент Наташа стояла первой в этом списке. Уже хотя бы из-за своей видной стати и имени.

Однажды, будучи пятнадцатилетним пацаном, Аркаша Сурин возвратился домой из пионерского лагеря и обнаружил, что подрос за лето на целых 24 миллиметра! Это был не обман зрения, не галлюцинация. Он стоял с угольником и карандашом возле двери, испещренной черточками, и любовался последней отметкой, самой верхней. Перспектива отправляться на переключку первого сентября, отравлявшая Аркаше все каникулы, перестала казаться ему отвратительной, как все последние годы. Он вырос за месяц почти на два с половиной сантиметра! Если дело пойдет так и дальше, то, глядишь, Аркаша и перестанет быть самым маленьким в своем классе. Это ведь не пустяк, особенно когда тебе пятнадцать.

Так, ребята! Скоренько выстроились по росту! А ты куда, Сурин? Ну-ка, марш на левый фланг!

Аркаша стремился если не на правый, то хотя бы в центр. Походив гоголем перед высоким зеркальным шкафом в родительской спальне, он решил, что самое время навестить одноклассницу Наташу Иванову, к которой он был не просто равнодушен, а... В общем, распространяться на эту тему Аркаша не любил даже мысленно. Не только потому, что слово «любовь» давалось ему в нежном возрасте значительно труднее, чем самая похабная матерщина. Просто Наташа была высокой девочкой. Высокой и, как говорится, спортивной. В основном из-за ее присутствия выстраивание в шеренгу на уроках физкультуры или на школьных линейках превращалось для Аркаши в унижительную пытку. Но, кажется, эти времена прошли. Ему не терпелось продемонстрировать Наташе, как сильно он вытянулся за время своего отсутствия.

Отправляясь в гости, Аркаша надел новую футболку с красочной англоязычной надписью и такие обтягивающие джинсы, что по лестнице Наташиного подъезда он поднимался несколько раскорячившись, неестественно поднимая плохо сгибающиеся ноги, обутые, кстати, в отцовы туфли, которые были Аркаше великоваты, зато придавали ему еще лишних пару сантиметров роста. Но и этого ему показалось мало. Прежде чем позвонить в Наташину дверь, обитую черным лоснящимся дерматином, Аркаша приподнялся на цыпочки, упираясь пятками в задники туфель. Поза получилась довольно устойчивой, а со стороны было абсолютно не заметно, что Аркашины ступни приподняты над полом. Длинные штанины джинсов, собравшиеся в гармошку, маскировали удачную уловку.

Стоит себе человек, в сторонку поплевывает и ждет, пока ему дверь откроют. Не такой уж маленький человек, между прочим. Прежде «глазок» черной двери находился примерно на уровне переносицы Аркаши. Теперь дырочка уставилась ему в задранный подбородок. Ну, чуточку выше, однако это были мелочи. Главное, что Наташе предоставлялась возможность оценить разительную перемену, произошедшую за лето с Аркашей Суриным, и сделать

соответствующие выводы. Он ведь всегда был симпатичным пареньком. Только росточком не вышел.

Наташа открыла дверь, и у Аркаши сразу перехватило дух, как будто ему в грудь огромную сосульку вогнали – холодную и острую. Он как-то не учел, что в пятнадцатилетнем возрасте растет не только он один, а и все его сверстники тоже. Наташа вымахала настолько, что даже подошвы отцовых туфель и стояние на цыпочках не спасали положение Аркаши. Давясь словами, он спросил что-то насчет внеклассного чтения. Наташа что-то ответила, улыбаясь. Минуты две они стояли друг напротив друга, а потом она сказала, что занята, и предложила Аркаше заглянуть как-нибудь в другой раз. «Да, – кивнул он, – да, конечно». – «Тогда пока». Наташа помахала ему ручкой. «Пока», – просипел Аркаша, не двигаясь с места. Не мог же он допустить, чтобы его маленькая хитрость раскрылась!

В следующий момент произошло непоправимое. Наташа положила руку на Аркашино плечо, чтобы шутливо развернуть на сто восемьдесят градусов и направить восвояси. Он покраснел, напрягся и... неожиданно просел в отцовских туфлях, сразу уменьшившись в собственных глазах и в глазах потрясенной Наташи до размеров жалкого пигмея. Пару секунд она недоуменно хлопала глазами, а потом прыснула, прикрыв рот ладошкой.

Ха!.. Ха!.. Ты... Ой, не могу!..

Смех был негромким, но он преследовал Аркашу и во время стремительного спуска по лестнице, и на улице, и в ванной комнате, откуда вышел, когда всполошившийся отец пригрозил выломать дверь. Да только самое плохое произошло позже, 1 сентября. С того памятного дня Аркаша Сурин стал в школе Маленьким Муком, как прозвали его после этой истории, сделавшейся достоянием гласности. Как выяснил он, тайком прочтя сказку Гауфа, малыш Мук был карликом в огромных восточных туфлях. В книжке даже картинка имела – цветная, на всю страницу. Очень колоритный персонаж. Ни с кем не спутаешь. Иногда Аркаша снился себе именно таким – большоголовым коротышкой, шаркающим подошвами шлепанцев с загнутыми носами. Бредет через толпу людей, как сквозь строй, а за спиной его звенит еле слышный переливчатый смех.

Ха!.. Ха!.. Ой, не могу!..

Аркаша Сурин и сам не заметил, как возненавидел своих родителей, которые не сумели обеспечить его всеми хромосомами и генами, необходимыми для полноценной жизни. Влюбленность в Наташу Иванову прошла не сразу, но, доводя себя онанизмом до изнеможения, Сурин не просто обладал девушкой своей мечты, а брал ее силой, ставя то на колени, то на четвереньки. В такой позе *он* возвышался над ней, а не наоборот. В такой позе он не ощущал себя пигмеем, созданным для насмешек окружающих.

А теперь он смотрел на очередную Наташу, стоящую над ним во весь рост, и требовал:

– Смелее! Говори, что тебя во мне не устраивает!

– Вы обидитесь...

– Нет, – возразил Сурин бесконечно фальшивым тоном.

– Ну... В общем, вы... как бы это сказать... мелковатый для меня. – Наташа улыбнулась, как бы извиняясь за столь строгий приговор собеседнику.

У Сурина заныли сведенные челюсти. Стоило немалых усилий слегка разжать их, чтобы проглотить сквозь зубы:

– Я ведь не любовь и дружбу тебе предлагаю, Наташенька. У меня деньги, видишь? У тебя одна маленькая штучка, которой я хочу попользоваться. Все предельно просто. – После этой тирады зубы Сурина опять сцепились, как будто притянутые мощной пружиной. Одна пломба раскрошилась, размазавшись по языку мелкой трухой.

Наташа, избегая смотреть ему в глаза, потеряла пуговицу на халате и призналась:

– Я так не привыкла.

– Как? – встрепнулся Сурин под простыней.

– Без удовольствия.

– А это, значит, для тебя не удовольствие? – Долларовая купюра взметнулась повыше, на манер крошечного победного знамени.

– Нет. – Наташа покачала головой.

– Нет, – отозвался Сурин мрачным эхом.

– Да... В смысле, нет.

– Ладно. С деньгами, говоришь, у тебя напряженка?

Сотенная бумажка с шорохом разорвалась пополам. Обрывки улеглись друг на друга, и через мгновение их стало уже четыре. Потом – восемь. А когда мелкие зеленоватые клочки полетели на пол, то сосчитать их было уже невозможно.

– Зря вы так, – тихо сказала Наташа, когда Сурин закончил. Оказалось, что брови у нее очень густые. Это стало заметно, когда Наташа их нахмурила.

– Почему же зря? – делано удивился Сурин. Ему было жаль сотню, а явно расстроенную медсестру – несколько. Сама виновата, дура привередливая.

– А я уже согласная.

– Зато я несогласный, – передразнил ее Сурин. – Другой сотни не будет. Ступай, Наташенька.

– Не надо денег.

– Что?

– Не надо денег, – отчетливо повторила она. – Берите меня просто так, даром.

– Даром? – Недоумевая, Сурин следил, как Наташины пальцы расстегивают пуговицы халата сверху донизу, как его полы расходятся в стороны, точно тронутые сквозняком, которого в комнате абсолютно не ощущалось. Жарко тут было, невыносимо жарко и душно. От набежавшего пота у Сурина защипало в глазах.

– Ну? – поторопила его Наташа, оставаясь на месте. – Смелее.

– Иди сюда. – Он хлопнул по матрацу ладонью.

– *Вы идите сюда.* – Наташа улыбалась, но ее брови оставались сведенными к переносице. – Я хочу стоя. Возьмите меня, если сумеете.

Сурина показалось, что его ударили в солнечное сплетение, а внутри черепа включили какое-то невидимое реле, отчего все его лицо начало наливаться жаром. Даже в расстегнутом халатике, под которым больше ничего не было, твердо стоящая на ногах Наташа оставалась для Сурина совершенно недоступной. Как мраморная Афродита.

– Уходи, – сказал он, уставившись в потолок. Ему хотелось кричать и ругаться во весь голос, но даже этой малости Сурин не мог себе позволить. Он ведь находился в чужом монастыре, и здесь его уставы ничего не стоили. Пока что ничего не стоили.

Он не слышал, как Наташа оставила его одного. Он просто лежал на спине, смотрел вверх, а в его перебинтованной голове, похожей на исполинскую личинку какого-то насекомого, крутилась одна-единственная утешительная мысль.

Подождите немного, Наташи всего мира, и скоро вы все будете у моих ног, вовсе не такие высокомерные, какими хотите казаться... Наташи, а также всевозможные Синди, Клауди и даже Найоми. Недолго вам осталось носы задирать!

Глаза Сурина при этом были остекленевшими. Словно он умер от очередного унижения.

Глава 5

На суше и на море

– Эй, подруга! – Лиля провела перед лицом Милены растопыренной пятерней тем жестом, которым гипнотизеры выводят своих клиентов из транса. Для верности пощелкала пальцами и окликнула снова: – Э-эй! Очнись.

Милена сердито отвела Лилину руку в сторону и сунула в рот сигарету, которая приклеилась к ее напомушенной нижней губе. Поднесла к сигарете зажигалку, затянулась, закашлялась:

– Фу, гадость!

– Ты фильтр подкурила, – пояснила Лиля, наблюдавшая за подругой.

– Без тебя знаю! – Обугленная сигарета полетела в сторону мусорного ведра и упала на пол, спугнув крупного черного таракана с проворными мускулистыми лапками.

В сочинской квартире, где совместно проживали Милена и Лиля, водилась целая пропасть этих черных страшилищ, хотя их обычных рыжих собратьев, конечно, встречалось все-таки больше. Обосновавшаяся в кухне мышь, возможно, налицествовала здесь в единственном экземпляре, но зато она умела пугать девушек похлеще всех тараканов, вместе взятых, черных и рыжих. Стоило посидеть тихонько каких-нибудь пять минут, и – здрасьте! Только что на голову не садилась нахальная маленькая тварь. Поэтому, являясь в кухню поодиночке, девушки давно взяли за обыкновение без всякой нужды покашливать, шаркать по полу ногами, звякать посудой. Ни одной, ни другой не хотелось неожиданно наткнуться взглядом на мышь, примостившуюся, например, на подоконнике, в полуметре от тарелки с едой.

Главной трусихой в их маленьком коллективе была Милена. В любой момент была готова запрыгнуть на табурет и пронзительно заверещать. Поэтому даже чашку кофе она не могла выпить без Лили, тянула ее за собой.

Но сегодня не кофейком девушки баловалась, а «Мадерой» с медальками на этикетке. Лиля только пригубила вино и отставила чашку подальше. Милена же причащалась каждые пять минут. И теперь белки ее глаз порозовели, а губы никак не желали складываться в прямую линию, разъезжаясь на лице как попало.

– Ты не сачкуй, ты пей, – капризно произнесли эти губы, оставив вишневый отпечаток на подбородке. – Я в одиночку не люблю.

Лилия неодобрительно хмыкнула:

– Что-то не похоже.

– Ой, только не надо мне мораль читать. Хочу пить и буду. И ты будешь.

Можно было бы с последним утверждением поспорить, но покладистая Лиля не стала.

– Давай лучше поспим, – мягко сказала она, наперед зная, что ее предложение не будет принято.

Так оно и вышло.

– Успеется, – отрезала Милена, выцедив очередную порцию мадеры и прикурив новую сигарету. – Вот дозвонюсь Журбе, тогда и ляжем.

– Он же мент. Опер. Его до вечера на месте может не быть. Волка ноги кормят. – Лилины пальцы пробежались по столу, изображая проворно шагающего человечка.

– Это нас ноги кормят. – Милена невесело усмехнулась. – А волки кормятся нами, Красными Шапочками. Давай выпьем за то, чтобы они нами однажды подавились.

– Давай. – Лиля подняла свою чашку, сделала вид, что отпила, и поставила ее на место.

Она недавно искупалась под душем. Разумеется, под холодным, потому что горячую воду в Сочи подавали только по ночам, украдкой. Теперь на ее голове красовался несколько скособоченный тюрбан из полосатого полотенца, а дополняли это нехитрое облачение старенькие

хлопчатобумажные трусики с поблекшей розой на фасаде. А может быть, с кокетливым сердечком. Какая разница – Лиля давно не была той наивной пятнадцатилетней девочкой, которая умела радоваться подобным дешевым обновкам, красным розочкам и сердечкам.

Милена еще не сменила свой выходной наряд на что-нибудь домашнее. Обтягивающее черное платье, скроенное на манер смелой комбинации, плетеные босоножки на легкой пористой платформе, янтарный браслет, золотая цепочка с медальоном в виде козерога. Плюс боевая раскраска, выглядевшая при дневном свете достаточно пугающе. Лиле, когда она смотрела на подругу, казалось, что они все еще отрабатывают ночную смену, и это мешало ей расслабиться по-настоящему.

– Сходи помойся, переоденься, – сказала она. – Сразу полегчает, вот увидишь. Какой смысл переживать? Что было, то прошло.

– Не прошло! – разозлилась Милена. – Я, конечно, не крутая вумен, но и не подстилка уличная, чтобы об меня ноги вытирать.

– Да ладно тебе. Забудь. Если все помнить, то и жить не захочется.

Ничего на это не ответив, Милена нажала на дистанционной телефонной трубке кнопку повторного дозвона, дождалась, пока на другом конце провода скажут «алло», и быстро попросила:

– Журбу пригласите, пожалуйста... Ага, Вячеслава Игнатьевича... Кто спрашивает? Так, знакомая... Нет, вы мне его заменить не сможете. Нет, спасибо. – Она отключила трубку и выругалась: – К-козел! Клинья он подбивает, мент поганый!

– Тебя они на чем прихватили? – спросила Лилия. Ей вдруг захотелось выпить тоже, и она в один присест опустошила свою чашку.

– «Колеса», – коротко вздохнула Милена. – Экстази. Решила купить по дешевке, чтобы на дискотеке потом толкнуть, вот и нарвалась. Журба трое суток в обезьяннике промаршировал, а потом предложил: или садишься, красавица, за хранение и распространение, или пишешь заяву, что желаешь работать у нас добровольным осведомителем. Написала, а куда же денешься. – Милена опять вздохнула, теперь уже протяжно, потому что уж очень много пустоты в груди накопилось. – Вот и выкручиваюсь теперь как могу. – Перехватив внимательный взгляд подруги, она повысила голос: – Но ты же знаешь, Ли, я ни на кого из своих не стучу. Ни одного человека еще зря не заложила. Веришь мне?

– Да верю, верю. Успокойся. – Лилия набулькала в чашку вина и, морщась, выпила.

– Успокоиться? Хрена с два! Пока этих вчерашних дебилов не накажу, не успокоюсь. Журба минут через пятнадцать появится, его к начальству вызвали. Вот дождусь его, побеседую, а потом завалюсь спать с чистой совестью.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением протянула Лилия, все еще не спеша поддержать подругу. – Зашвырнув влажное полотенце в коридор, она разлила остатки вина по чашкам и спросила: – Жрать не захотела еще, Ми? В холодильнике сыр есть, ставрида копченая, крабовые палочки... – На последней фразе голос девушки осекся.

– Вот только крабовых палочек мне сегодня и не хватает! – Опрокинув табурет, Милена вскочила и топнула ногой.

Лилия виновато отвела глаза. Не стоило поминать крабов сегодня. Это как сыпать соль на рану.

Вчера они, как обычно, работали на пару в новой гостинице «Бриз». Предложение подняться в номер поступило от двух приезжих парней, благоухавших дорогой туалетной водой в два раза сильнее, чем потом. Если они не ввали, то тот, который повыше, был Кузей, а его коренастого кореша звали Гогой. Кто мог предположить, что у них есть еще и третий, безымянный, товарищ? Громадный краб, весь блестящий, словно покрытый лаком. Он жил в закупоренной раковине умывальника, куда Кузя с Гогой налили свежей морской воды. В раковине

кисли какие-то объедки, брошенные туда специально, но краб к пище не прикасался. Лежал на дне, подвернув под себя страшные черные клешни, как будто дремал.

Им полюбовались и выбросили из головы. Девушки угостились красным шампанским, парни подымили папиросками, набитыми пахучей травой, уговорили на двоих литровую бутылку фруктовой водки. Тут бы покувыркаться по-быстрому и разбежаться по-хорошему, так нет, дернул черт Лилю попросить включить музон повеселее.

По музыкальному каналу хип-хоп как раз крутили, причем просто улетный. В клипе черноекожие собраты по разуму давали жизни, зажигали так, что чертям в аду тошно было. Вау! Йо! Короче, полный отпад.

Воодушевленный Гога тут же изъявил желание сбавить брейк, который, по его словам, освоил в ранней юности. Отодвинули столик с выпивкой и закуской, убрали коврик. Дальше началась потеха. Повихлявшись немного для разминки, Гога с размаху сел на шпагат, отчего штаны его лопнули по шву с неприличным треском. Лиля моментально уткнулась в свой стакан, пряча улыбку в шампанском, а Милена не выдержала, расхохоталась во весь голос. За что и поплатилась.

Ее не били, нет, хотя при откровенно бандитской наружности Кузи и Гоги этого следовало ожидать в первую очередь. Но сами они Милену даже пальцем не тронули. Просто заставили ее раздеться, разложили на койке и приволокли мокрого краба, который с готовностью растопырил свои ужасные клешни. Даже страшно подумать, что он мог бы натворить ими *там*, куда его время от времени подносили со смехом и прибаутками. Милена это себе очень хорошо представляла. Ее плачущий голос до сих пор стоял у Лили в ушах.

Мальчики, не надо, пожалуйста, мальчики... Я для вас все сделаю, только уберите этого краба... Пожалуйста. Ну, прошу вас...

Дальше Лиле вспоминать не хотелось. Ни как пресмыкалась перед своими мучителями Милена, напуганная до смерти, ни как тряслась она сама, каждую секунду ожидая, что черед дойдет и до нее. Но все кончилось относительно благополучно. Девушкам за визит заплатили, даже помахали им на прощание ручками, выпроваживая поутру из номера. Так что совершенно напрасно Милена теперь бесилась. Ну, унизили, с кем не бывает. Можно подумать, проститутки существуют для того, чтобы их превозносили до небес.

– Послушай, Ми, – заговорила Лиля, вертя в руках пустую чашку. – Давай проедем эту тему, а? С ментами связываться – себе же дороже выйдет.

– Забыть и простить, так? А ты видела, как эти подонки надо мной измывались? Видела? – Милену, которая присела было за стол, опять подбросило и распрямило во весь рост. – Тебе хорошо рассуждать, ты в сторонке отсиживалась. А каково было мне? Ты сними трусы, а я возьму ножницы и немного ими у тебя между ног пощелкаю, чтобы доходчивее было. Хочешь?

Лиля предпочла не экспериментировать. Заглянув в чашку и убедившись, что там ничего, кроме липкого осадка, не осталось, она нерешительно сказала:

– Можно просто нашим пожаловаться. Пусть разберутся с этими юными натуралистами.

– Пожаловаться-то можно, а толку? Нас не тронули, рассчитались, как положено... Нет! – Милена решительно потрянула искусно мелированными волосами. – Я все-таки позвоню Журбе.

– А ему что за дело до краба?

– Ты дура или прикидываешься? Не слышала, о чем Гога с Кузей толковали, пока водку лакали? Краба этого вонючего они с утопленника сняли. Я потому и перепугалась. Как представляла, что эта тварь жрет человечину, так мне и дурно стало.

– Враки это все, – неуверенно произнесла Лиля. – Рисовались пацаны, выеживались, цену себе набивали.

– А мне плевать! – крикнула Милена, подбоченившись. – Пусть теперь отвечают за свой базар! Журба меня уже давно напрягает за то, что пользы от меня – ноль целых ноль десятых. Вот и выдам ему полезную информацию. Кузе с Гогой в ментовке полезно попариться. А загремят по-настоящему – туда им и дорога. Вместе с их крабом членистоногим!

Выговорившись, Милена схватила трубку и опять принялась дозваниваться в милицию. На этот раз ей повезло: ответил сам Журба.

– Ты? – В голосе его не прозвучало ни удивления, ни приветливости. – Что надо? Опять кого-нибудь с детским пугачом сдать мне хочешь? Или клиент тебя через контрабандный презерватив поймел? Ох, доиграешься, красавица. Я тебя от зоны отмазал, и что имею в благодарность? Сплошная лапша разварная.

– На этот раз дело серьезное. – Милена крепче стиснула трубку.

– Выкладывай. – Голос Журбы стал деловитым.

– Утопленник.

– Что? Не понял.

– Утопленник, – повторила Милена громче.

– Их летом, как грязи. Какого именно ты имеешь в виду? – Голос Журбы слегка искажился, словно помехи пошли по кабелю.

– В гостинице, где я работаю, – заговорила Милена, – проживают двое парней, они приезжие. У них в ванной комнате живет краб.

– Краб?

– Угу.

– А, случаем, не чудище это... как его?... Лос... лох... Лоховское, что ли?

– Нет. Краб.

– Ты нажралась с утра, что ли? – взорвался Журба. – Клепать мой болт! Что за идиотские байки ты мне тут рассказываешь, тварь продажная? Да я тебя за такие шуточки наизнанку выверну, блядь! Шкуру с тебя сдеру и надувную куклу для секс-шопа сделаю!.. Голову она мне будет морочить!..

– Вы сначала дослушайте, – заторопилась Милена, перебросив трубку из одной руки в другую. – Этого краба парни сняли с утопленника, они сами хвастались по пьянке. Труп находится где-то за городом. Парни из Киева приехали, звать их Гога и Кузя, проживают они в 260-м номере гостиницы «Бриз».

– Ты ничего не путаешь?

– Ничего, – твердо сказала Милена. – Я же собственными ушами все слышала. Оба имеют самое прямое отношение к утопленнику, это было ясно по их разговору. Они и их вонючий краб. Потому что...

– Стоп! – рявкнул Журба. – Про краба потом расскажешь, при встрече. Все с самого начала, до мельчайших подробностей.

Милена не устояла с трубкой на месте, принялась нервно прохаживаться по квартире.

– Ничего больше я не знаю, – сказала она. – Только то, что вы уже от меня слышали.

– Это тебе кажется, красавица. – Тон Журбы потеплел. – Я задам тебе пару наводящих вопросов, и ты сама не заметишь, как вспомнишь еще много чего любопытного. Дело-то серьезное, согласна?

– Ну, согласна, – неохотно признала Милена. Она уже жалела, что ввязалась в эту историю. И сон ей накануне нехороший снился – про клубок земляных червей в тарелке.

– Вот видишь! – обрадовался Журба. – Главное, красавица, никому больше об этом деле не трепись, если не хочешь неприятностей.

– А я и не треплюсь. – Желая себя подбодрить, Милена заглянула в кухню, подмигнула Лиле и сказала в трубку: – Никто, кроме нас с вами, ничего не знает. Если не считать Гоги с Кузей.

– Прекрасно, клепать мой болт, просто прекрасно. – Голос Журбы выражал вовсе не радость, а сплошную задумчивость. Казалось, в этот момент он смотрит в окно и кусает губы, принимая какое-то важное решение. Наконец он заговорил снова: – Значится, так: сиди дома, не высывайся и помалкивай. Сейчас у меня кое-какие дела, но ближе к вечеру я к тебе загляну, потолкуем.

– У меня заказ на семнадцать ноль-ноль, – предупредила Милена.

– Где?

– В гостинице.

– Ну да, – усмехнулся Журба. – Куда же ты без гостиницы, а гостиница без тебя... И когда думаешь освободиться?

– Часиков в шесть. Клиент сегодня уезжает вечерним поездом, у него времени будет в обрез.

– Понятненько... Прощальная гастроль, значится... Так-так... Угу... Ладно, жди меня в шесть. Скажем, на пляже гостиницы. Возможно, я буду на машине. Прокатимся куда-нибудь вдвоем.

– Никуда я не поеду! – Милене стоило больших трудов удержаться от крика. – Что, на пляже поговорить нельзя?

– Почему нельзя? – удивился Журба после секундного колебания. – Еще как можно. Совместим, так сказать, приятное с полезным. Короче, жди меня в шесть часов. – Его голос понизился почти до шепота. – И не вздумай увиливать. Ты же не хочешь, чтобы я за тобой опергруппу послал, верно?..

Гудки отбоя предупредили все возможные возражения. Слушая их, Милена стояла в прихожей, прислонившись спиной к стене, и пыталась понять, закончились ли ее неприятности или только начинаются.

* * *

– Тебя как зовут? – спросил мужчина, откатившись на свободную половину койки.

– Карина, – заученно произнесла Милена. – Вы каждый раз спрашиваете одно и то же.

– Все надеюсь, что ты проговоришься. – Мужчина, имя которого она вообще не помнила, кряхтя, поднялся, избавился от мокрого презерватива и принялся рыться в карманах брюк, брошенных на спинку стула.

– Зачем вам мое настоящее имя? – спросила Милена. Ее всегда удивляла эта настырность клиентов. Какая им разница, как называть девушек, которых они имеют? Кукла Даша, кукла Маша...

– Ты мне понравилась, – признался мужчина с чувством. – Очень. – Он начал отсчитывать сотенные купюры, но на пятой неожиданно застопорился. – Послушай, мне ведь, наверное, положена скидка? Я же твой постоянный клиент.

Милена вскочила с кровати, протянула руку и выхватила из его пальцев все пять сотен, которые ей причитались.

– Скидки не предусмотрены, – строго сказала она, зажав деньги в кулаке.

– Жадная какая. – Мужчина осуждающе покачал головой. – Тебе сколько лет?

– Девятнадцать.

– Моей дочери столько же. Она в Англии учится, на модельера.

– Передавайте ей привет, – процедила Милена.

Она сунула в яркий пакет скомканные трусики, извлекла оттуда белый купальник.

– Разве ты не хочешь принять душ? – удивился мужчина.

Он стоял перед ней, свесив чуть ли не до колен свой грязный хобот, который был готов сунуть в любую дырку, и толковал о гигиене!

– В море ополоснусь, – отрезала Милена.

Через минуту, натянув поверх бикини шорты и малиновую маечку, она уже занималась ремешками своих босоножек. Мужчина перетаптывался рядом и что-то бубнил про свою умницу-дочь, но Милена старалась его не слушать. Всякий раз, когда деньги были получены, она начинала ненавидеть своих клиентов в два раза сильнее, чем в момент знакомства. А тех, которые расхваливали своих жен и деток, она вообще была готова удушить собственными руками. Ишь, папулечки какие выискались!

– В сентябре я вернусь, – многозначительно сообщил мужчина, почесав низ живота. – Увидимся?

– А как же! – Милена открыла дверь и, не оглянувшись, захлопнула ее за собой.

Выйдя из номера, она облегченно вздохнула и зашагала по длинному коридору, сверкающему чистотой, как новенькая копейка. У столика дежурной притормозила, сунула ей традиционную десятку и спросила:

– Позвонить можно?

– Не положено! – ответила коридорная. Лицо у нее было такого же цвета, как овсяное печенье, которое она жевала. Желто-коричневое и на вид такое же черствое.

– Вот, возьмите. – Милена протянула ей еще один червонец.

– Звони, детка. – Столь скрипучим голосом трудно выражать благожелательность, но у коридорной это получалось, когда она хотела.

Придерживая одной рукой телефон, норовящий повиснуть на витом проводе трубки, Милена набрала домашний номер и принялась нетерпеливо притопывать ногой, дожидаясь, пока ей ответит сонный голос Лилии:

– Аллю... Слушаю вас.

– Я освободилась, – сообщила Милена. – Сейчас иду на пляж.

– Загорать? – Лилия протяжно зевнула.

– Не только. – Покосившись на коридорную, Милена понизила голос. – Разговор о крабе, помнишь?

– Ну да. – Звон наконец завершился. Кашлянув, Лилия хрипло спросила: – Потом перезвонишь мне, подруга?

– Какой смысл? Увидимся в баре в восемь, как обычно. Тогда все и расскажу.

– А зачем тогда сейчас звонишь?

– Не знаю, – призналась Милена. – Боязно мне что-то. Тревожно на душе. У тебя такое бывает?

– Угу. – Лилия снова зевнула. На этот раз коротко, словно вскрикнула шепотом: – Ах!

– Ладно, досыпай, – сердито сказала Милена, бросила трубку и пошла к лифту.

Взгляд коридорной подталкивал ее в спину, как ветер.

Но на ярком солнце все тревоги и опасения показались глупыми, совершенно беспочвенными и напрасными. Отовсюду доносились музыка, смех, веселые голоса отдыхающих. Купив у лоточника мороженое, Милена сразу отхватила зубами верхушку и, смакуя на языке холодную сладость, начала спускаться к пляжу. По обе стороны лестницы росли кусты с такими яркими и плотными листьями, что они казались пластмассовыми. От цветов исходил одуряющий аромат.

Вскоре под подошвами Милены захрустела галька. На пляже было уже не очень многолюдно – народ постепенно стягивался к выходу, готовясь предаться вечерним развлечениям, самым главным из которых являлся плотный ужин.

Она не стала выискивать себе местечко поудобнее, решив расположиться прямо напротив лестницы, чтобы Журба ее сразу заметил. Осторожно, чтобы не оголиться ненароком до предела, стянула с бедер тесные шорты, сбросила через голову маечку. А когда наклонилась за брикетиком мороженого, который примостила у своих ног, обнаружила его исчезновение и растерянно выпрямилась.

– Привет, – раздался насмешливый голос за ее спиной.

Это был Журба собственной приземистой персоной. Кряжистый, кривоногий, мохнатый, напоминающий гигантского паука-птицееда, он с аппетитом жевал мороженое и обтирал пальцы о свои полосатые плавки. Милена бросила взгляд на его губы, заляпанные белым, и отвела глаза. Почему-то ей подумалось, что его милицейская профессия во многом схожа с ее собственной.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Пойдем, красавица. – Журба скомкал липкую обертку от мороженого и бросил ее себе под ноги.

– Куда? – Милена напряглась. По ее коже пробежал холодок, соски отвердели под белой тканью купальника.

– Ты же хотела со мной пошутиться, так? – усмехнулся Журба и неожиданно облизнулся, как кот, наевшийся сметаны.

Милена посмотрела по сторонам. Ей не хотелось никуда уходить с пляжа, усеянного людскими телами.

– В принципе я уже все вам рассказала, – нерешительно произнесла она. – Парней зовут Гога и Кузя. Они проживают...

– Тс-с! – Журба нахмурился. Качнув головой в направлении серого мола, выдающегося в море, он предложил: – Давай прогуляемся туда, где не будет лишних глаз и ушей. Ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь узнал о наших с тобой отношениях?

Нет, Милена не хотела. Но и на пустынный мол ее тоже не тянуло. Там, кроме одинокого рыболова с удочкой, никого не было, да и тот, похоже, уже собирался восвояси. У берега плескалось еще довольно много народу, но любители понырять с мола давно разошлись.

Не дожидаясь согласия Милены, Журба решительно зашагал вперед, впечатывая желтые мозолистые пятки в прибрежную гальку: хрум-хрум-хрум. Девушка побрела за ним следом, стараясь ставить ноги на плоские камни, что удавалось ей через раз. Когда под подошвами оказался пористый бетон, Журба обернулся и насмешливо спросил:

– Нежные у тебя пяточки, а, красавица?

– Какие есть, – раздраженно отозвалась Милена. Она представила себе, как выглядела со стороны, когда неуклюже ковыляла по камням, и с вызовом спросила: – Мы что, пришли сюда мои пятки обсуждать?

– Нет, – засмеялся Журба, – конечно, нет. Пятки твои милицию интересуют в самую последнюю очередь. Выкладывай, что там у тебя приключилось, я тебя слушаю.

С этими словами он зашагал по молу дальше, и Милене пришлось его догонять, адресуя свой рассказ равнодушной волосатой спине. О том, что в гостиничном номере присутствовала Лиля, она опять решила не упоминать. Золотое женское правило: если уж начала лгать, то стой на своем во что бы то ни стало. Хуже не будет, а лучше – очень даже может быть.

Когда Милена закончила сбивчивый доклад, они стояли на самом краю мола. В его тени вода была темной, холодной на вид. Зато дальше весело плясали солнечные блики. Позади пляж, усеянный человеческими фигурками. Впереди только безбрежное море с далеким-далеким пароходиком на горизонте.

Журба на белом пароходике взгляд не задержал. Он просто вертел головой по сторонам с отсутствующим выражением лица. Что-то высматривал. Что именно?

– Вы хотели задать какие-то вопросы, Вячеслав Игнатьевич, – напомнила Милена. – Наводящие.

– Вопрос только один, клепать мой болт! – Взгляд милиционера наконец перестал метаться из стороны в сторону и остановился на груди девушки. – Ты никому не болтала про эту историю?

Милене показалось, что его глаза просвечивают ее насквозь как рентгеновские лучи. Машинально поправив лифчик купальника, она сказала:

– Я же вам уже говорила по телефону...

– Да или нет?

Милене показалось, что Журба готов ее ударить. Он когда-то предупреждал ее, что горяч на руку и часто наказывает своих осведомителей за оплошности. Незаметно отступив на шаг, она покачала головой:

– Нет. Никто ничего не знает.

– Это хорошо. – Журба оскалился. – Айда в воду.

Посмотрев вниз, Милена отрицательно помотала головой. Самые светлые пряди в ее волосах были белоснежными. Самые темные – цвета майского меда. Когда волосы колыхались, они красиво переливались на солнце. Милена знала об этом, но сейчас это ее не радовало. Она оглянулась и тоскливо посмотрела в сторону пляжа.

– Я не спрашиваю тебя, сучка, хочешь ли ты купаться, – веско произнес Журба. – Если сказано: полезай в воду, то через секунду ты должна плескаться там, как заправская утка. – Он хохотнул. – Ты ведь и есть утка. *Просто утка.*

Что Милену ошеломило в этой тираде больше всего, так это то, что взрослый мужчина, матерый мент, способен шутить, как пацан-малолетка, да и еще веселиться при этом.

– Ладно, – сказала она, направляясь к лесенке, ведущей в воду. – Я могу и искупаться. Только зачем вы меня оскорбляете? Вместо того, чтобы спасибо сказать, вы...

– Спасибо ты должна мне говорить, – перебил ее Журба на полуслове. – С утра до ночи. Пять лет свободы тебе подарено, не забывай... Так что не рассуждай, а делай, что тебе велено, клепать мой болт. Марш в воду! Я за тобой.

Милена развернулась к морю спиной и, держась руками за лесенку, начала спускаться вниз. Вода неприятно холодила ее ноги, осторожно нащупывающие перекладыны. Когда прохладный мокрый обруч замкнулся на талии Милены, она подняла голову и посмотрела на Журбу. Снизу он выглядел сложенным непропорционально, карикатурой на самого себя. Малюсенькую голову почти заслонял выпуклый живот, тяжело нависший над Миленой. Наткнувшись взглядом на откровенно бугрящиеся плавки, она сомкнула веки, разжала пальцы и опрокинулась в воду спиной. Обычно в таких случаях Милена взвизгивала, но теперь почему-то не решилась подать голос. Проплыв метров десять вперед, она обернулась на голос Журбы:

– Возвращайся сюда. Скоренько.

Теперь он стоял на лестнице по грудь в воде, лицом к ней. И непонятно улыбался.

– А можно, я еще поплаваю? – крикнула Милена, ощущая во рту знакомую солоноватую горечь.

– Некогда!

– Разве мы куда-нибудь спешим?

– Я спешу. Просто сгораю от нетерпения. Смотри. – Он вскинул руку и, как флагом, призывно помахал своими полосатыми плавками. Мокрые, они шлепнулись на мол. – Так что скорее плыви ко мне, рыбка моя золотая. – Журба тихо засмеялся.

Догадаться, что от нее требуется, было несложно. Осмотревшись по сторонам, Милена убедилась, что никого рядом не наблюдается. Мол надежно заслонял их от любопытных глаз, особенно когда она приблизилась к нему вплотную и очутилась в полуметре от Журбы, мерно шевеля в воде руками и ногами. Теперь его поведение перестало казаться странным, и недавнее напряжение, владевшее Миленой, исчезло. Мент захотел немного женской ласки, вот и все. Ничего удивительного. Удивительно лишь то, что он не потребовал обслуживать его еще в начале знакомства.

Развернувшись в воде вертикально, как поплавок, Милена проворно задвигала ногами, а руки забросила на затылок, выискивая под намоченными волосами завязку купальника.

– Это лишнее, – быстро сказал Журба. – Просто нырни и докажи мне, что ты не зря свой хлеб жуешь. – Он красноречиво пошевелил губами и показал пальцем в воду перед собой. – Ну? Ныряй. Сделай дяде милиционеру приятное.

Верхняя половина его туловища, освещенная вечерним солнцем, напоминала цветом и фактурой волосатый ствол пальмы. То, что находилось под водой, выглядело бледным, не слишком приятным на вид. Но работа Милены заключалась не в том, чтобы привередничать. Набрав полную грудь воздуха, она погрузилась в море с головой. Ее руки нашли бедра Журбы. Рот, выпустив вереницу серебристых пузырей, по-рыбьи открылся. *Ну, где этот пресловутый милицкий болт недоклепанный?*

Когда сильные пальцы сдавили ее шею, Милена еще не успела испугаться по-настоящему. Ужас пришел, когда плотные мужские ляжки обхватили и стиснули ее голову, не давая вынырнуть на поверхность. Ее ноги взбивали на воде белую пену, скрюченные пальцы цеплялись за все, что под них попадалось, но сосуды уже лопались один за другим от невыносимого напряжения, а легкие судорожно вбирали в себя море.

И не было этому морю ни конца, ни края.

Глава 6

Кому рай, а кому пекло

– Прибыли, – доложил водитель, жилистый мужик с бравыми полубаками рыжевато-окраса. – Это и есть гостиница «Бриз». В прошлом сезоне открылась. Невеста на выданье, х-хэх!

Громов высунул голову в открытое окно лимонной «Волги» и полюбовался обтекаемыми формами многоэтажного здания, высящегося над морем зелени. На фоне голубого неба оно казалось прямо-таки белоснежным.

– Сколько с меня? – спросил он, возвратив голову в автомобильный салон, провонявший бензином и чесноком.

– Я ж говорил! – напомнил водитель с капризными интонациями в голосе. – Тысяча рублей.

– Разве я ответил, что меня это устраивает? – Громов вопросительно приподнял бровь. Владелец «Волги» напрягся:

– Ну, так... Молчание – знак согласия, нет?

– Молчание – это знак молчания, и не более того. Например, один человек сморозит какую-нибудь глупость, а второй делает вид, что не услышал. Из деликатности.

– Платить будем или басни рассказывать? – водитель продемонстрировал, как здорово он умеет играть желваками. Его правый бачок, обращенный к пассажиру, заходил ходуном.

– Басни ты сам мне рассказываешь, – усмехнулся Громов. – Про тысячу рублей, которые я якобы должен тебе за дорогу из Адлера в Сочи.

– Некоторые приезжие, – произнес водитель, уставившись в мутное лобовое стекло перед собой, – некоторые приезжие строят из себя важных персон. Потом им приходится об этом пожалеть. Здесь Сочи. Свои законы, свои обычаи.

Громов вздохнул.

– Вот что, приятель, – сказал он. – В одном кармане у меня лежит бумажник, а в другом – одно очень любопытное удостоверение. Ты что предпочитаешь увидеть, первое или второе?

Рыжий полубак перестал шевелиться, замер. Через пару секунд его обладатель нашелся с ответом:

– Пять сотен.

– Вообще-то ты заработал ровно четыре, и ни рублем больше, – сказал Громов, доставая бумажник. – Но за сообразительность сотенную я тебе накину. Держи и впредь веди себя скромнее, сухопутный пират.

Подхватив дорожную сумку, он выбрался на свежий воздух. Возмущенно фыркнув, «Волга» развернулась, чуть не задев кормой кипарис, и умчалась прочь. Громов двинулся по широкой лестнице ко входу в гостиницу.

В костюме, который он не успел переменить после утренней аудиенции на Лубянке, Громов чувствовал себя среди легкомысленно одетой публики несколько скованно. Преобладающее большинство мужчин, сновавших по просторному вестибюлю, красовалось в шортах, футболках и сандалиях на босу ногу. Современный спортивный стиль молодил даже самых пожилых из них, но выглядеть заправскими атлетами им мешали накачанные пивом животы и слабо развитые ноги с бугрящимися коленками. Женщины, в независимости от возраста и комплекции, носили на себе тряпочек меньше, чем надевают на себя балерины. Каждая старалась поразить воображение окружающих: кто – голыми веснушчатými плечами, кто – просвечивающимися сквозь тонкую ткань молочными железами, кто – ягодицами, не уместающими-

мися в тесных шортах. На затесавшийся в общий бал-маскарад мужской костюм отдыхающие поглядывали с откровенным недоумением.

Громову хотелось поскорее исчезнуть со сцены. Не очень приятно попадать с корабля на бал. Тем более на бал-маскарад.

После коротких переговоров с дежурным администратором ему был предложен любой номер, на выбор. Он, недолго думая, решил вселиться в тот самый 713-й полулюкс на седьмом этаже, где еще недавно проживал гражданин Болосов. Конечно, никаких особых преимуществ это Громову не давало. Но с чего-то ведь надо было начинать, вот он и начал.

Номер ему неожиданно понравился. Вместительный холодильник, заполнять который было абсолютно нечем, необшарпанная мебель, телевизор, исправно показывавший все существующие в природе цвета, кроме синего. Понаблюдав пару минут за какой-то непринужденно почесывающейся ведущей молодежной программы, Громов сбросил с себя костюм и отправился в ванную.

Вскоре он, посвежевший после душа, гладко выбритый, тщательно причесанный, стоял на балконе в удобных голубых джинсах и курил, поглядывая на пляж, раскинувшийся внизу.

День незаметно клонился к вечеру. Маленькие и коричневые, как муравьи, мужские фигурки выволакивали на берег надувные «бананы», водные мотоциклы и лыжи, на которых уже не было желающих прокатиться. Инвентарь загружался в скособоченный павильон, украшенный изображением Микки-Мауса, сильно смахивающего издали на свирепого гималайского медведя. Сюда же отдыхающие волокли свои складные зонты и деревянные лежаки, благодаря которым стойко продержались на пляже еще один день своего отпуска.

Громов давно не выбирался на Черноморское побережье, и с тех пор здесь мало что изменилось. Главное новшество заключалось в почти полном отсутствии голосистой голой детворы. Зато на пляже появилось множество эмансипированных амазонок, вызывающе сверкающих накрашенными титьками. «То, что женщины сняли с себя лифчики, не так уж плохо, – решил Громов после недолгого раздумья. – Жаль только, что паранджи тоже вышли из обихода. Некоторым они явно не помешали бы».

В этот момент его внимание привлекла стройная девичья фигурка, изящно очерченная белыми полосками купальника. Загорелая, светловолосая, она выделялась среди всех прочих.

Девушку сопровождал плотный мужчина с косолапой походкой и покатыми плечами бывшего борца. «Мохнатый шмель на душистый хмель», – эти незабвенные строки из старой песни были придуманы про него.

Пара добралась до темно-серого мола, выступающего в море на добрую сотню метров, и зашагала по нему дальше. Девушка то и дело приотставала, а потом догоняла своего спутника и шла как бы рядом, но все равно поодаль. На дальнем конце мола эти двое остановились, сделавшись почти неразличимыми на фоне морской глади, переливающейся мириадами солнечных бликов. Как Громов ни щурился, он не смог хорошенько разглядеть ни девушку в белом купальнике, ни ее косолапого кавалера.

Пока он прикуривал новую сигарету, пара вообще исчезла из виду. «Купаются», – догадался Громов. А может, и не только купаются, раз им вздумалось уединиться. Сигаретный дым, которым он затягивался, показался вдруг горьковатым. Так часто случается. Когда смотришь на красивую молодую девушку и вспоминаешь, что тебе уже за сорок, привкус горечи почти неизбежен.

Впору было возвращаться в номер и принимать еще один холодный душ. Громов уже оторвался от балконных перил, когда увидел, что по молу в направлении пляжа движется тот самый кривоногий мужчина, который увел за собой спутницу в белом купальнике. Теперь он шел один. Наметанному глазу даже издали было видно, что походка незнакомца слишком размашиста для прогулочного шага и слишком замедленна для делового. Так ходят люди,

которые спешат, но опасаются привлечь к себе внимание. А стройная светловолосая девушка исчезла, как будто просто пригрезилась Громову.

– Ч-черт!

Схватив со спинки стула рубаху, он выбежал из номера.

Если кривоногий мужчина действительно утопил девушку, то спасти ее было поздно. Если же с ней все было в порядке, то и мчаться на ее поиски не имело никакого смысла. Но в том-то и дело, что Громов уже не надеялся увидеть ее живой. Слишком часто ему доводилось видеть, как ведут себя на людях убийцы, только что расправившиеся со своей жертвой. А он почти не сомневался, что заинтересовавший его объект покидал место преступления.

Не став дожидаться одного из двух медлительных гостиничных лифтов, которые словно специально созданы для того, чтобы испытывать нервы торопящегося человека, Громов понесся вниз по лестнице, преодолевая каждый пролет в три прыжка. На четвертом этаже он едва не столкнулся с молодым человеком, который успел прижаться к стенке, уронив при этом редкостной красоты арбуз. Сочное «чаф» настигло Громова уже на следующем пролете. Пока он размышлял, стоит ли ему извиниться, лестница закончилась.

Переведя дух и кое-как застегнув наспех наброшенную рубаху, он толкнул дверь, пересек холл и вышел из гостиницы, стараясь придать себе вид беззаботный и даже несколько скучающий.

С пляжа вели две пешеходные дороги, обхватывающие здание с обеих сторон. Вместо того чтобы устремиться по одной из них вниз, Громов остался на распутье, решив дождаться мужчину здесь.

Зачем он был ему нужен? Скорее интуитивное, чем рассудочное, решение. До недавнего времени в гостинице «Бриз» проживал человек, которого прихлопнули только за то, что сложением он походил на Аркадия Сурина. Теперь Громов, как он полагал, случайно стал свидетелем еще одного убийства. В обоих случаях жертв утопили. Разве этого мало, чтобы заинтересоваться личностью подозрительного незнакомца?

Тот появился минут через пять, попивая на ходу пиво из запотевшей бутылки. Был он настолько волосат, что напоминал большую обезьяну, обряженную для потехи в человеческую одежду. И походка у него была соответствующая. Вот только растительность на голове не соответствовала общему облику. Волосатые мужчины встречаются в природе в изобилии, а лысые обезьяны науке пока что неизвестны.

Громов двинулся за мужчиной следом, когда тот, проворно переставляя кривоватые ноги, свернул на подъездную аллею, где находилась также и автостоянка. К счастью, спешно искать машину для преследования не пришлось – мужчина явился на пляж на своих двоих и удалялся точно таким же незатейливым способом.

Держась тенистых тротуаров, он прошел несколько кварталов, изредка засматриваясь в магазинные витрины, а один раз даже изменив маршрут следования на сто восемьдесят градусов. Громов был готов к подобным маневрам, и застать его врасплох мужчине не удалось. Кончилось тем, что тот выдул еще одну бутылку пива под раскидистым платаном, удовлетворенно отрыгнул и свернул за угол, где его путешествие и завершилось.

РОВД – вот как было обозначено здание, в котором скрылся мужчина. На табличке имелась и подробная расшифровка этой аббревиатуры, да только отделение милиции, оно и в Африке отделение милиции, и в Сочи.

Проходя мимо, Громов пытался понять, что бы это значило. Явка с повинной? Как же, разогнался убийца на своих кривеньких ножках каяться и давать показания! Прежде чем войти, он обменялся рукопожатием с милицейским лейтенантом, скучавшим возле патрульной машины. Этот человек работал здесь, причем свехурочно, как понял Громов, посмотрев на часы. За свой ненормированный рабочий день он мог успеть не только утопить девушку, но

и приступить к расследованию обстоятельств ее гибели. Очень удобно и необременительно. Называется: сам пью, сам же и гуляю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.